

ОКЕАН

(1-12-13-14-15-16-17-18-19-20-21-22-23-24-25)

ЗЕМЛЯ ТУМАНОВ

Андрей
ИВАСЕНКО

«КРЫЛОВ»

Океан

Андрей Ивасенко

Земля туманов

«Крылов»

2014

Ивасенко А.

Земля туманов / А. Ивасенко — «Крылов», 2014 — (Океан)

ISBN 978-5-4226-0244-5

Эта история начинается на Камчатке сразу после Нашествия. А продолжение получает в австралийском городе Читтерлингсе – в его заброшенных городских кварталах, накрытых, как и большая часть Австралии, созданным пришельцами туманом. Банда беспризорников под предводительством Джека Тейлора обнаруживает непонятный контейнер, а в нем – весьма странного ребенка. С этого момента привычная жизнь банды в корне меняется. Мало того что изза найденныша приходится начать войну с другой бандой, на след пропавшего контейнера выходит элитный отряд карателей. И это только начало немислимых приключений. Пришельцы, корабельные кладбища, гигантские цеппелины, океанские просторы, туземные острова, лучший ныряльщик Океании, в одиночку бьющийся с червямилюдоедами, изнеможенные каторжники в зловонном трюме галеры, бравые покорители морских горизонтов под стягом «Веселого Роджера» – вас ждет захватывающая история. История о судьбе Джека Тейлора, величайшего из людей Океана – история о путешествиях, отваге, любви, предательстве, о человеческих судьбах.

ISBN 978-5-4226-0244-5

© Ивасенко А., 2014

© Крылов, 2014

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	14
Часть вторая	22
Глава третья	22
Глава четвертая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Ивасенко

Земля туманов

© Ивасенко А., 2014

© ИК «Крылов», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть первая Нашествие

Глава первая «Пришельцы – существа отнюдь не баснословные...»

Атлантика. Район Бермудского треугольника. 20...5 год.

Е-2С «Хокай», палубный самолет военно-морской разведки США, на бреющем полете мчался над самыми гребнями ревущих волн, словно собирался пополоскать фюзеляж и крылья в соленой воде. «Большой небесный глаз», как прозвали эту массивную машину сами летчики еще во время войны во Вьетнаме, уже вторые сутки участвовал в поисковой операции по обнаружению пропавшего авианосца CVN-77 «Джордж Буш».

– Господи, ну и погода, – простонал лейтенант-коммандер¹ Роджер Карр, первый пилот. – Третьи сутки шторм держится. Что здесь можно найти? Видимость – ноль. Поднимешься выше – сплошные помехи на радаре. Точно «Буша» накрыли шляпой фокусника. Похоже на дурной сон, ей-богу. – И обратился к одному из операторов поста радиолокационной станции: – Гарсиа, что у нас там?

– Пока ничем не могу порадовать, сэр, – отозвался тот, потирая покрасневшие от усталости глаза и всматриваясь в экран, покрытый белесыми пятнами и черточками. – Нужно подниматься. Вся надежда на радар.

– Ясно, – обреченно выдохнул лейтенант-коммандер. – Будьте предельно внимательны. И держите постоянную связь с базой.

– Так точно! – нестройным хором ответили Гарсиа и другие операторы.

На секунду в кабине пилотов воцарилась тишина.

– Дурной сон... – повторил лейтенант-коммандер, нахмурившись.

Самолет сильно трясло, раскачивало. Они летели против ветра, сквозь хлесткий ливень. «Хокай» зажало между двух серых масс: снизу бушевал океан, сверху – клубились облака, которые, казалось, вот-вот соприкоснутся с волнами. Громадный нефтяной танкер, через палубу которого переваливались свирепые волны, исчезал позади, в пелене дождя.

Джефферсон посмотрел на показания альтиметра:

– Высота восемьдесят футов², сэр. Аккуратнее. Можем рухнуть.

– Понял, – эхом откликнулся лейтенант-коммандер. – Иду на взлет. Внеси в бортовой журнал координаты танкера.

– Есть, сэр!

Роджеру Карру, управлявшему крылатой машиной, стоило больших усилий удерживать «Хокай» на курсе из-за турбулентных потоков у поверхности воды. Он понимал, что малейшая неточность в пилотировании и океан с глухим всплеском примет экипаж в свои объятия. Летчик потянул ручку управления, турбовинтовые двигатели загудели еще сильнее, и самолет послушно поднял нос, набирая высоту.

Бушующий океан начал отдаляться, уходить из-под фюзеляжа.

¹ В ВМС США это звание соответствует званию майора в сухопутных войсках (Здесь и далее – примечания автора).

² Фут равен 0,3048 м.

Джефферсон облегченно выдохнул. Он открутил крышечку с бутылки «кока-колы», сделал большой глоток, рыгнул и поморщился. Теплая жидкость тошнотворно заплескалась у него в животе.

«Хокай» нырнул в облака и растворился в них. Покачав крыльями, над которыми на стойках была укреплена вращающаяся РЛС³ под полусферическим «грибом» обтекателя, самолет выровнялся и перешел в горизонтальный полет.

– Бери управление на себя, – приказал первый пилот Джефферсону. – Держи заданный курс. Активируй лазерно-кодую систему связи между нами и авианосцем. Не дай бог, «угостят» нас из «СИ Спарроу»⁴. Перед вылетом меня проинформировали, что неподалеку от «Эйзенхауэра»⁵ были замечены русские самолеты-разведчики. И выдерживай скорость.

– Управление взял на себя. Связь «свой – чужой» активировал. Скорость выдерживаю, – монотонно рапортовал Джефферсон.

– Гарсия, – обратился к оператору Роджер Карр, – подключите и пассивную систему наблюдения, отслеживайте цель по всем азимутам.

– Есть, сэр! – ответил тот.

Карр устало потянулся в кресле, расстегнул ремни безопасности, встал в полный рост и расправил затекшие от долгого сидения мышцы.

– А что русские забыли в этих водах? – поинтересовался второй пилот, бросив взгляд на командира.

– Говорят, якобы утеряли связь со своей атомной подлодкой, – произнес Карр. – На наши протесты и просьбы покинуть район проведения поисков они никак не отреагировали. Ведут себя бесцеремонно, подозрительно. Похоже, и впрямь у русских возникли те же проблемы, что и у нас. Такие вот дела, Томми...

– Я не верю русским, – заявил Джефферсон, вложив в слова ноту презрения. – Нужно быть начеку.

– Согласен. Они непростые ребята.

– Есть сигнал! – воскликнул лейтенант младшего ранга⁶ Джерри Гарсия. – Думаю, я что-то вижу. Прямо по курсу!

Джефферсон покосился на командира и отключил радио.

Первый пилот недоверчиво хмыкнул и снова занял свое место.

– Уверены, Гарсия? – спросил он. – Описываем круг за кругом, а все без толку. Прошлый раз наткнулись на чертов танкер.

– Сигнал постоянный, сэр, – ответил оператор. Гарсия клацнул клавишами, меняя режим обзора основного локатора. Сверился с цифровой картой на вспомогательном экране. – Странно... Не понимаю, почему послали на поиски именно нас. Могли и со спутника обнаружить.

– Увы, Джерри, – по-приятельски обратился к нему Карр. – При таком шторме спутники оказались бесполезны. Одно удивляет: почему именно в этом треклятом Бермудском треугольнике постоянно происходят всякие непонятные вещи?

– Здесь именно такое и наблюдается, сэр, – сказал оператор. Гарсия придвинулся поближе к экрану, всмотрелся и ткнул пальцем в окруженное странным кольцом пятно, появившееся минуту назад просто ниоткуда. Включил режим селекции помех. – Что-то непонятное. Честно говоря, впервые такое вижу.

– Что там?

³ Радиолокационная станция.

⁴ Зенитно-ракетный комплекс, находящийся в носовой части авианосца.

⁵ Авианосец CVN-69 «Дуайт Д. Эйзенхауэр», тип «Нимиц».

⁶ В ВМС США это звание соответствует старшему лейтенанту в сухопутных войсках.

– Сигнал то появляется, то исчезает. Объект очень большой и не похож на помеху, так как остается на одном месте и окружен странным, идеально ровным кольцом, ни к одному из эталонных сигналов не принадлежащему. Диаметр помехи где-то около шести миль.

– Думаешь, там спрятался «Джордж Буш»? – спросил Карр.

– Да, это наш авианосец. Непонятно, почему никакой связи с ним нет. Наш радар он бы засек и при таких условиях миль⁷ за двести. А тут... Мы даже не подвергаемся обратному режиму дешифровки сигнала. Я думаю, что когда мы вернемся, то я усядусь и напишу об этом роман, – пошутил Гарсиа. – А чего? Уверен, за такие истории неплохо платят.

– Джерри обнаружил инопланетян и собирается взять у них интервью, – с сарказмом произнес Джефферсон, хохотнув. – Хорошо, что мы не у берегов Гренландии, а то бы он там за бигфут⁸ начал охотиться.

– В Гренландии нет бигфут, – со знанием дела буркнул Гарсиа.

– Все выглядит гораздо проще, Гарсиа, – спокойно произнес лейтенант-коммандер, хотя в его глазах загорелись огоньки охотничьего азарта. – Скорее всего, у них какая-то серьезная поломка. Или ты веришь в паранормальную чушь с пришельцами?

– Джерри слишком много читает бульварной прессы, – поддержал первого пилота Джефферсон.

– Нужно всего лишь все хорошенько взвесить, чтобы это не выглядело выдумкой, а стало правдой, – ответил им Гарсиа, не обратив внимания на очередную насмешку. – Пришельцы – существа отнюдь не баснословные, уж поверьте. Есть много доказательств их существования. Просто мы видим лишь то, что хотим видеть. А то, чего подсознательно боимся встретить, – для нас лишь собственное отражение, как в зеркале. Понимаете?

– Джерри, да ты у нас Шерлок Холмс и Фрейд в одном лице! – пошутил второй пилот. – Совсем мне мозги запарил лекцией. Покажи хоть одного найденного тобой гуманоида – я отпущу шевелюру, как у Эйнштейна.

– Ловлю на слове... – Гарсиа усмехнулся, представив на бритой голове Джефферсона прическу а-ля «пушистый одуванчик».

– Отставить разговоры! – прервал дискуссию спокойным тоном Карр и приказал: – Дайте точные координаты.

Операторы локаторных постов моментально включились в работу. Пеленг, удаление... Карр выслушал их отчет и сказал:

– Хм... Совсем рядом. Внимание! Беру управление на себя. Спускаемся! Пристегнитесь! Роджер Карр похлопал по плечу второго пилота:

– Сейчас посмотрим, что нам отыскал Джерри. Если обнаружим летающую тарелку с зелеными человечками, то с тебя пять упаковок ирландского пива. Две – мне.

– Заметано, сэр! Ставлю шесть! Вам – три, если дело выгорит.

Карр отдал ручку управления от себя. «Хокай» понесся вниз, к силе земного притяжения добавившись мощь турбовинтовых двигателей. Самолет выскочил из облаков под проливной дождь, как черт из табакерки, судорожно выровнялся и вновь полетел над гребнями волн.

Шторм, очевидно, достиг апогея. Самолет дрожал, его кидало из стороны в сторону, как марионетку, привязанную к пальцам кукловода. Ручку управления трясло в лихорадке, и Карр удерживал ее обеими руками.

И тут произошло нечто странное. Словно Господь Бог взмахнул своей волшебной палочкой – все враз утихло. «Хокай» прорвал какую-то невидимую мембрану шторма, сбил девственную плеву разбушевавшейся стихии. Пелена дождя исчезла, последние капли смахнули

⁷ Морская миля (мера длины, принятая в США с 1 июля 1954 года) равна 1,852 км.

⁸ Легендарное человекообразное существо, якобы встречающееся в различных высокогорных или лесных районах Земли. У этого термина существуют и другие значения – снежный человек, йети и прочие.

стеклоочистители. Яростный ветер утих. Небо просветлело. Прямо по курсу показался грозный силуэт авианосца.

Синеватые с прозеленью волны лениво шлепали по исполинскому корпусу военного монстра. Стоял штиль. Тишину разрывал лишь рев турбин самолета. Но здесь, мягко говоря, было неуютно. Люди почувствовали себя чужими. Нечто неосязаемое сворачивало их нервы в комок, сжимало сознание. Создавалось впечатление, что они оказались не в спокойно-странном месте, а в кастрюле с водой, которая ни с того ни сего вот-вот закипит.

– Охренеть можно! – воскликнул лейтенант-коммандер. Уйдя вправо и положив самолет на левое крыло, он до рези в глазах всматривался через боковое окно в гигантский корабль. Обычно невозмутимый Карр изменился в лице. Его спокойствие растрескивалось, как губы человека, погибающего от жажды.

«Хокай» сбросил скорость и стал описывать круги над авианосцем.

На многоярусной надстройке лейтенант отчетливо рассмотрел цифры «77». Это был «Джордж Буш». Гарсиа не ошибся. Полетная палуба, поражающая размерами, была абсолютно пуста – ни единого истребителя со сложенными консолями крыльев, ни единого вертолета, ни одного человека. На ходовом мостике – тоже никого. Антенны радиолокаторов замерли. Казалось, авианосец был покинут экипажем. Но, что самое удивительное, корпус корабля как-то подозрительно просел в воду, ниже ватерлинии⁹, будто что-то неимоверно тяжелое давило сверху на корабль. Что-то невидимое глазу.

«Неужели корабль тонет, а экипаж и авиакрыло¹⁰ покинули его? Не русская ли субмарина постаралась?» – мелькнули страшные догадки у Карра. Однако сомнения тут же попятили эту версию: «Куда подевались самолеты, вертолеты и почти шесть тысяч человек? Бесследно исчезли? Не видно ни катеров, ни шлюпок, ни спасательных плотов. Ничего. И крен, если имеется пробоина, не наблюдается. А пробоина должна быть гигантского размера. Может, утечка из ядерных реакторов? Нет. Невозможно!»

Гарсиа, не сводя глаз с монитора, в этот момент сказал лишь одно: «Пресвятая Дева, да что же тут происходит?..»

– Гарсиа, вы это видите? – спросил Карр.

– Да, сэр. Сканируем.

– Информация? Мысли?

– Думаю, на авианосце нет ни одной живой души, сэр. Корабль полностью обесточен, оба реактора заглушены. Приборы это подтверждают.

Роджер Карр включил запись цифровой видеокамеры с самонаводящимся объективом, укрепленной на пилоне под крылом. И пытался засечь хоть одно движение на авианосце. Самолет пролетал возле кормовой части, массивная башня с направленными вверх орудиями тоже оставалась без движения.

«Во что они целились?» – еще больше встревожился Карр.

Второй пилот смотрел в другую сторону, на то, что Гарсиа обозначил как «странное кольцо».

– Сиськи небесные... – прошептал он.

Джефферсон так и замер с открытым ртом. «У меня глюки...» – думал ошарашенный второй пилот.

Действительно, а кто бы поверил? Огромный «пятак» спокойной поверхности воды, в центре которого находился авианосец, был отгорожен от остального мира идеально ровным заслоном, будто кто-то накрыл часть океана циклопическим стаканом. Пространство за этой

⁹ Ватерлиния – линия соприкосновения спокойной поверхности воды с корпусом плавающего судна.

¹⁰ Военный термин: тактическая единица ВВС. В состав авиакрыла авианосца входят эскадрильи истребителей/штурмовиков, ДРЛО, РЭБ и самолетов палубной военно-транспортной авиации.

оболочкой было скрыто в дымке тумана, легкой, словно дыхание на поверхности зеркала, но непроницаемой.

– Господи, мне никто не поверит... – пролепетал Джефферсон.

– Смотри, Томми! – вскрикнул лейтенант-коммандер.

Вдруг авианосец дрогнул, как поплавок, почувствовавший тяжесть крупной рыбы. Вода вокруг него забурилась. От корабля во все стороны разошлись кольца волн. И, точно поплавок, авианосец сначала нырнул, а потом начал стремительно подниматься, выше и выше – обнажилась черная полоса ватерлинии, показались четыре огромных винта, руль и киль. Через минуту «Джордж Буш» завис в воздухе в трехстах футах над водой.

– Командир... – Джефферсон озадаченно посмотрел на первого пилота.

– Продолжаем вести наблюдение, – распорядился Карр.

«Хокай» поднялся выше.

– Что это такое? – тыча на корабль пальцем, сказал Джефферсон.

Карр промолчал.

Авианосец тем временем покрывался странными зелеными испарениями.

– Что же тут творится?.. – в один голос произнесли Джефферсон и Карр.

В наушниках шлемофонов раздался треск и шипение статики, сквозь которые прорывался матерный «загиб» Гарсиа, состоящий из дюжины испанских слов без единого повторения.

«Джордж Буш» минуты две повисел между небом и водой, а затем обрушился вниз. Кинетический удар от столкновения судна с водой вызвал пушечный грохот и, вздымая титанические фонтаны, поднял огромные волны.

Конструкция авианосца не выдержала удара: крепкая сталь во многих местах лопнула и деформировалась, палуба сложилась «гармошкой». Затем корабль завалился на бок и разломился пополам, обнажив нутро. Кормовая часть судна ушла под воду первой, вслед за ней – остаток корпуса. Вода вокруг тонущего гиганта закипела. Через несколько минут все было кончено. На поверхности остались плавать мелкие обломки, не утянутые водоворотом на дно.

– Господи-ты-боже-мой... – скороговоркой прошептал лейтенант-коммандер. – Нырнул круче, чем «Титаник»... Если б не были заглушены реакторы...

В голове у Рождера Карра стрелой пронеслись видения: яркая вспышка... огненный шар плазмы... раскаленная ударная волна, под напором которой все плавится и испаряется... вверх поднимается зловещее грибовидное облако, словно в небо выпустили огромного адского джинна... Все это могло бы стать. Повезло, ничего не скажешь.

– Все сняли? – спросил Джефферсон. – Уходим, сэр?

– О'кей! Больше здесь делать не-е... – Карр осекся и медленно протянул руку, указывая куда-то в небо. Глаза его округлились, будто ему на голову падала крылатая ракета.

Джефферсон задрал голову и посмотрел вверх.

Небо над ними начало сгущаться в чернейшую тьму, озаряемую всполохами откуда-то из бескрайней, вязкой глубины. А затем мрак начал клубиться и вращаться, свиваться в кольца и выпрямляться, как громадный червяк, покрываясь гнилостно-зеленым мерцанием. Из него появился колоссальных размеров уродливый клубень с мясистыми щупальцами, напоминавший морское чудовище.

– Мамочка моя!.. – простонал Джефферсон, вжав голову в плечи. У него, и, думается, не только у него, враз пересохла глотка, а по телу прокатилась ледяная дрожь.

– Дьявольщина какая-то. Сваливаем отсюда, сэр!

И вдруг:

– Внимание! – не дремал Гарсиа. – Цель групповая, маловысотная, скоростная! Две единицы. Засек активное радиолокационное облучение. Ответчики опознавания выдают «чужой». Идут прямо на нас. Дистанция... Черт! Это русские! Они уже здесь!

Из пелены «стены», окружавшей шестимильный участок океана, двумя огненными стрелами вырвались Су-33. Рев их двигателей сотрясал небеса. Ведущий истребитель выпустил две ракеты в непонятное и неопознанное образование в небе и тут же, заложив крутой вираж, исчез в мареве, откуда появился. А ракеты изменили траекторию полета почти у самой цели и, не причинив ей вреда, упали в воду. Там они и взорвались, выплеснув стройные фонтаны.

Второй истребитель повторил атаку, но столь же безрезультатно. На поверхности воды взметнулись еще два бешеных «гейзера». Однако СУ-33 не удалось скрыться. Слишком широким оказался разворот. От «клубня» отделился мерцающий зеленый шар, оцетинившийся множеством искрящихся шипов, который на огромной скорости сблизился с самолетом и взорвался ярким облаком.

Су-33, потеряв часть оперения крыла и хвоста, некоторое время продолжал держаться в воздухе, хотя из поврежденного левого сопла двигателя вырывалось пламя. А затем разрушившиеся лопасти компрессора турбины буквально разорвали самолет на горящие клочья, градом посыпавшиеся в воду.

Дело принимало скверный оборот.

– Если они русских так легко уделали, то нам тут вообще ловить нечего, – пробормотал лейтенант-коммандер.

Роджер Карр резко накренил «Хокай» в глубоком вираже. Запущенные в полную силу моторы взревели. Самолет практически развернулся вокруг хвоста благодаря ковбойской лихости летчика. Второй пилот мельком успел засечь опасность и в ужасе закричал:

– Командир, оно и по нам что-то выпустило!

– Гарсиа! – крикнул Карр. – Что видишь?

– Ничего, сэр! – нервно ответил оператор. – Ничего! Если нас чем-то атаковали, то в нем нет металла!

И в этот самый момент Джефферсон краем глаза заметил, как нечто остроносое, длиной около шести футов, попало под винт правого двигателя и, точно гильотиной, им было разрублено. «Хокай» затрясло, увело в сторону. Взыла сирена предупреждения, и услужливый голос речевого информатора сообщил о повреждениях. Карр едва смог выровнять самолет, но летающая машина уже «захромала» – лопасти винта от столкновения до половины искорежило и частично срезало.

– Они в нас попали, сэр! – воскликнул Джефферсон. – Господи! Они попали!

– Кто они? – буркнул Карр, мысленно подгоняя самолет к туманной стене, за которой хотел укрыться. – Черт! Быстрее! Черт! Ну давай, давай же!..

«Хокай» снова сотрясли удары. Но на этот раз они были сильнее прежнего. Что-то угодило в хвостовой отсек самолета. Речевой информатор не добавил ничего обнадеживающего – «отказ того, отказ сего», перечислять устанешь. Одновременно в ларингофоны шлемов ворвались крики операторов. О том, что там могло с ними произойти, и подумать было страшно.

– Гарсиа, что у вас там?! – встревожился лейтенант-коммандер. – Гарсиа, отвечайте!

В ответ по ушам резанули отчаянные крики.

Правый двигатель загудел на более тонкой, жалобной ноте, пару раз «чихнул» и задымился.

– Похоже, мы нарвались на неприятности... – Карр делал все возможное, чтобы удержать тяжеловесную поврежденную машину в воздухе. – Глуши правый двигатель, включи систему пожаротушения. Аварийно слей остаток топлива!

– Понял, выполняю! – Джефферсон щелкнул несколькими тумблерами, засветились индикаторы на панели управления, дым исчез и за самолетом потянулся керосиновый шлейф.

– А теперь приberi обороты левого двигателя, чтобы не перегрелся, – снова скомандовал Карр. – Совсем чуть-чуть, а то грохнемся в воду.

– Есть, сэр.

– Уже лучше. Ничего, дотянем, – сквозь зубы произнес Карр с подобающим для опытного летчика хладнокровием. Его глаза, окруженные сетью морщинок, сощурились.

Тряска самолета понемногу утихала.

Из отсека операторов раздался уже не многоголосый, а одинокий крик.

– Господи! – выдохнул Джефферсон, смахнув со лба крупные капли холодного пота – будто кто-то надел на него ледяную шапку под шлемофон.

– Проверь! – приказал ему Карр, мотнув головой в сторону двери герметичной переборки, разделявшей кабину пилотов и отсек с блоками электронных систем и радиооборудования, где находились операторы.

Джефферсон расстегнул ремни безопасности, поднялся и едва не упал – самолет нырнул обратно в шторм, проглотивший его с чудовищной быстротой. «Хокай» задрал нос кверху и начал набирать высоту. Летчик ругнулся и, балансируя руками, неуверенными мелкими шагами направился к операторам. С аппаратурой первого отсека было все в порядке, но когда он распахнул вторую дверь, то застыл с открытым ртом. Сердце забило в уши, в грудь, в голову...

Высоченный, чернявый, с вечно прищуренными черными глазами Гарсиа сыпал проклятиями и поливал из огнетушителя невиданное существо – похожее на покрытую панцирем морковку, где вместо зеленой ботвы извивались десятки белесых щупалец с лиловыми присосками. Тварь верещала, как кошка, которую пускают на фарш. Химический состав пены ей точно пришелся не по вкусу. Два других оператора лежали на полу без движения. Горело аварийное освещение. В днище фюзеляжа зияла рваная дыра, в которую со свистом всасывало воздух.

Джефферсон прижался спиной к переборке, выхватил из кобуры пистолет, прицелился и высадил в тварь всю обойму. Стрелок он был отменный. Существо забилось в агонии, как пронзенная острой рыбой, перестало визжать и испустило дух. Щупальца в последний раз сжались и выпрямились.

Гарсиа, не заметивший появления Джефферсона, от неожиданно раздавшихся выстрелов плюхнулся на задницу и выронил опустевший огнетушитель.

– Трындец, сказал отец! – Джефферсон по-ковбойски дунул в ствол пистолета и сунул его обратно в кобуру. – Ты как, Джерри?

– Кажись, жив, – устало выговорил Гарсиа, потирая ушибленную «пятую точку». Он поднялся. По его лбу струилась кровь. – Едва не обосрался от страха. Спасибо, спас мою мексиканскую задницу.

– Считаю, что ты у судьбы вытянул из колоды джокера, приятель. Что это за дрянь? Это она в нас саданула?

– Угу. Пару таких же штук, кажись, промазали и срикошетили. Срань господня, эта штука пробила дыру, как пуля. Потом точно бешеная стала прыгать. Разнесла тут все. По-моему, она еще и ядовитая. Ребята пытались ее удержать голыми руками, но вырубилась тут же. Мертвы.

– Что это за тварь, как думаешь? Живая торпеда? Что-то в этом роде?

– Понятия не имею, – озадачился Гарсиа. Он стиснул зубы и задрожал. – Только не торпеда, а ракета. Хотя... не удивлюсь, если она и под водой так же действует. Чертовщина!

– Что будем делать?

– Я хочу домой... – ответил Гарсиа, потупив взгляд.

– Не переживай. Напишешь книгу и будешь зарабатывать на этом деньги. А то и сразу станешь богачом.

– К черту книгу! Я чувствую себя как кусок собачьего дерьма на обочине...

Джефферсон присмотрелся к скрюченным телам на полу. У одного из пилотов с поспевшим лицом изо рта выступала кровавая пена, глаза остекленели. Рядом валялся пустой огнетушитель.

– Почему не стреляли?

– Не успели. Легко тебе говорить. Я едва штаны не намочил.

– А что с аппаратурой? – спросил он, окинув взглядом разбитые мониторы и оборванную дымящуюся проводку.

– Вероятнее всего, вышла из строя, – мрачно констатировал Гарсиа. – Я вообще-то тушил начавшийся пожар, пока ребята с этой гадостью боролись. А потом и тварь окатил из огнетушителя. Знаешь, ей это очень не понравилось.

– Пойдем к командиру. У нас ко всем бедам еще и с двигателем проблема. Да и тебя нужно перевязать.

– Чепуха! – Гарсиа потрогал лоб, озадаченно пожевал губу – Идем.

Пошатываясь, они направились в кабину пилотов.

Лейтенант-коммандер встретил их коротким вопросом:

– Что?

– Олдридж и Конорс мертвы, сэр, – доложил Гарсиа. – Аппаратура повреждена. Пробойна в отсеке операторов. Возгорание устранили. Двери нами заблокированы. Полагаю, мы понесли не только живые потери, но остались без связи с базой и без локатора.

– Понятно. Плохи дела, – Карр нахмурился, пожевывая нижнюю губу.

Внезапно Гарсиа почувствовал слабость, прислонился спиной к перегородке, затем медленно сполз вниз и сел.

– Я так устал, – сказал он и закрыл глаза. Казалось, он готов был разрыдаться. – И хочу гамбургер...

Джефферсон склонился над ним.

– Пусть! – Махнул рукой лейтенант-коммандер. – Оставь его.

Второй пилот плюхнулся в свое кресло. И его поглотили другие мысли.

– Что дальше, командир? – угрюмо поинтересовался он. – Как будем выкручиваться из этой гребаной ситуации?

– Кто стрелял?

– Я шмальнул. Там к нам залетела какая-то тварь. Я прежде таких не видел. Это она убила ребят. И я ее пристрелил. Какой наш шанс добраться до базы – один к трем или четырем?

– Если мы будем вынуждены совершить посадку на воду, то вероятность остаться в живых у нас слабая. Потому забивай информационный пакет всем тем, что мы зафиксировали, и сбрасывай буй связи.

– Есть, сэр!

– Кстати, с тебя шесть упаковок пива. Собственно говоря, ведь мы натолкнулись не на что иное, как на инопланетный корабль. Животное не могло по нам и по русским стрелять. Ты со мною согласен?

Джефферсон обреченно пожал плечами, дескать, деваться некуда раз проспорил, и ретиво принялся за работу.

Через три минуты небольшой шар радиобуя закачался на волнах. Сигнал через погруженную в воду антенну, для которого не существовало никаких преград, передал на сверхдлинных волнах всю собранную информацию на авианосец «Эйзенхауэр». Выполнив свою задачу, буй пошел ко дну...

Глава вторая

Курильский «язык»

Курильские острова. Три месяца спустя.

Человек стоял на берегу перед лицом соленого простора. Непромокаемый плащ с капюшоном развевался на его высокой фигуре. Под ногами – крупная галька и ракушки. Позади – гряда черных скал, простоявших тут не одну сотню лет. Впереди – лениво набегающие на берег волны, фонтаны брызг и летящие хлопья пены. Вокруг – неумолчный гам чаек, тупиков, бакланов и кайр, вернувшихся к разоренным гнездовьям. Вдали, на соседнем острове, виднелись морщинистые хребты гор и пики вулканов, плавающие в вышине. Лишенные подножий, отсеченные от земли, они лежали на ватном одеяле тумана и равнодушно взирали на глубокие воды океана.

Всходило солнце – большое и красное, как кровь. И его свет, окрашивая багрянцем седину волн, лился от самого горизонта.

Полковник Николай Петрович Ярема смотрел в бесконечную даль Мирового океана и понимал, что людям со всем этим надо считаться, вежливо тесниться, потому как суша и вода – неприветливые соседи их цивилизации. Таков заповедник традиций, поддерживающий жизнь на Земле. Рано или поздно кто-то кого-то попирает, отбрасывает на исходную позицию. Схватка за право жить. Ничего не попишешь.

Полковник осмотрелся по сторонам.

Унылый пустынный пейзаж, проникнутый ощущением смерти, гибели и опустошения.

Раньше здесь, пожалуй, было красиво, хоть стихи сочиняй. А теперь... Что красивого в смерти? Ярема сплюнул в сердцах, послав подальше поэтов всех времен – жалких судей мировоззрения, этих мудозвонов, несущих чепуху и всеми правдами и неправдами стремящихся жить за счет тех, кто не продает унылые фантазии о потусторонних мирах, а честно работает руками и головой.

В сердце полковника, казалось, входила тонкая, острая игла.

Полоса водорослей и обломков тянулась по всему побережью – дань, собранная бешенством стихии. Два изрядно побитых японских сейнера лежали, повалившись на бок, среди хаотически разбросанных каменных глыб. Трупы рыбаков еще вчера уложили в мешки, погрузили в вертолеты и отправили на Большую землю. «Пусть с иностранцами там разбираются! Как можно меньше привлекать внимание к острову! Задача ясна?» – вспомнились полковнику слова командующего.

«Какой дурак надумал делить: где чужой, а где свой? У смерти одно лицо. На поиск и захоронение покойников ни сил, ни средств не хватает, даже на материке, – мысленно сетовал Николай Петрович. – Дальний Восток, Сахалин и Камчатка в руинах. А тут еще ради пары десятков «двухсотых»¹¹ боевые «вертушки» используй не по назначению. Черт, о чем они там только думают? Завинчивают армию на последнюю гайку, мудаки». Но таков приказ. И его нужно исполнять.

Последние дни выдались жуткими. Сотни вспухших, искалеченных почти до неузнаваемости мертвецов, принесенные течением и выброшенные приливом, собирали почти неделю. Среди них было много детей. Хоронили тут же, на острове, в братских могилах, используя чудом уцелевший бульдозер, настолько изношенный, что ломался во время работы едва ли не каждый час. Но еще много погибших до сих пор оставались на берегу среди завалов. К

¹¹ «Груз 200» – покойники по армейской терминологии.

йодистому запаху гниющих водорослей добавлялись сладковато-приторные миазмы разложения человеческих тел, животных, рыб и птиц.

Натуральное кладбище. Классическое.

Полковник поморщился. У него до сих пор подрагивали кончики пальцев на руках, и дергалось левое веко. От таких воспоминаний, о чем и выжившие рассказывают редко, становилось дурно даже такому бывалому человеку, как он. Пройдя ад нескольких военных компаний, рано высеребривших ему виски, Николай Петрович так и не свыкся со смертью.

О землетрясении в районе Курильских островов сообщили заблаговременно. Но последовавшее за ним извержение подводного вулкана никто предугадать не смог. Гигантские волны цунами надвигались так быстро, что предупреждение не уберегло людей от катастрофы. Эвакуировать население не успели. Пострадало все тихоокеанское побережье. Приводить список разрушенных и затопленных городов – перечислять устанешь, втыкая в географическую карту красные флажки. Больше всех досталось Японии, так как эпицентр находился ближе всего к ее островам. Разрушения там были неимоверны. Спаслись лишь те, кто в то время находился в воздухе или успел укрыться в горах.

Гибель Токио до сих пор передавали по всем телеканалам мира. Лица у зрителей становились каменными. Отснятые орбитальным спутником кадры медлительно прокручиваясь в их головах, застывали в миллионах глаз паническим ужасом.

...Пенный, словно покрытый голодной слюной язык цунами приближается к берегу, от которого стремительно отступает поверхность океана...

...Пятидесятиметровый вал попадает в залив и, увеличившись в несколько раз, обрушивается на город, вклинивается в лабиринт небоскребов и сметает все на своем пути...

...Вода расходится в стороны, жадно облизывает подножия гор и, крутясь в водоворотах, уходит обратно в океан, унося с собой суда, причалы, мосты, поезда, части строений, вырванные с корнем деревья, машины и сотни тысяч потерявших от страха рассудок людей...

На этом новости о катастрофе обрывались. И перед экранами телевизоров сгущались тишина и скорбь. Мысли людей находились в хлипком равновесии.

Лишь немногие знали, что через пятнадцать минут на Токио обрушилась другая волна, столь же высокая. А вслед за ней набежали еще несколько волн, менее высоких и с большим интервалом. От мегаполиса остались лишь одни фундаменты, похороненные под грудой бетонных обломков с торчащей арматурой. Неторопливая панорама ада. Об этом СМИ разрезвонили чуть позже, когда военные открыли границы районов бедствия и появилась возможность эксклюзивной съемки. Рейтинги телерадиокомпаний тут же взлетели на невиданный доселе уровень.

Газеты всего мира вонзили зубы в сочные новости и в один голос затвердили: «Армагеддон! Армагеддон! Армагеддон!» Чревоушатели всех мастей – от холеных проповедников до немых бродяг, ранее кланчивших мелочь на бухло – заволокли улицы уцелевших городов, живописуя всадников апокалипсиса и предрекая скорый конец света. Эфир переполнился страхом. Сердца людей – тревогой и безнадеей. Здания посольств – траурными флагами и родственниками пропавших без вести. Россия и США начали обвинять друг друга в использовании секретного сейсмического оружия. Толпы оголтелых демонстрантов с обеих сторон не щадили сил в тщетной борьбе за правду, в руках активистов появились плакаты «Русских – к ответу за сейсмическое безумие!» и «Нет сейсмическому безумию США!». Посыпались резкие заявления первых лиц государств, и все это – на фоне истерической шумихи, поднятой средствами массовой информации. Мир готов был взбеситься и стоял на пороге войны.

Ярема вздохнул, закурил сигарету.

Послышался крик.

Полковник обернулся. К нему гуськом быстро приближались трое, перепрыгивая с камня на камень. Капитан Полеводов – высокий откормленный молодец с автоматом на плече, живой

монумент военной мощи российской армии. Морской геолог Березин – коренастый, с бритой головой и моржовыми усами. И океанолог Михеев, человек с энергичным волевым лицом, успевший в командировке отпустить короткую «боцманскую» бороду. Кричал именно он, потрясая двустолкой, но порывчатый ветер проглатывал слова, делая неразборчивыми.

Ярема выбросил окурок в воду и махнул им рукой, приглашая к себе.

Через пять минут троица стояла рядом.

– Разрешите доложить, товарищ полковник! – отчеканил капитан, отдав честь.

Геолог и океанолог остановились позади капитана, переводя дыхание.

– Докладывайте. – Ярема сосредоточился, чересчур счастливый вид капитана вызвал у него обеспокоенность. – Только вкратце. Не вдаваясь в лишние детали.

– Нашли алмазы! – По краснощекому лицу Полеводова расплылась улыбка.

– А теперь поподробнее, – заинтересовался Ярема.

Капитан обернулся, мотнул головой ученым:

– Давайте лучше вы.

Вперед выступил Михеев. Он достал из кармана плаща два небольших куска темной породы с зеленовато-серым оттенком и протянул их полковнику:

– Вот. Посмотрите. Первый образец был найден нами на берегу. После цунами здесь этого добра хватает, да. Но второй – обратите внимание на количество кимберлита в породе – один из тех, что обнаружен вчера в бухте на юго-востоке острова. Провели анализы, только закончили. Очень высокое содержание крупных алмазов! Не поверите, этим устлано все дно. Я спускался там под воду и раньше, еще прошлой весной. Глубина была метров около сорока. Теперь – не больше тринадцати. Представляете? Будто Нептун ковшом подгреб! Сплошь алмазоносный кимберлит! То, что мы нашли на берегу, мелочь по сравнению с этим. Копи царя Соломона, не иначе. Сейчас мои ребята берут пробы грунта у входа в бухту. Полагаю, там будет то же самое. Таковы первые итоги нашей экспедиции.

Ярема покрутил камни в руках и отдал обратно Михееву.

– Да, Михаил Александрович, Нептун поделился с нами богатством. Безусловно. Но забрал жизнь у множества людей. Гадкая сделка. Что теперь? Поддержим рубль драгоценными камушками, заткнем курс доллара Штатам в их звездно-полосатый зад – и что? Шибко нужно было? Человеческие жизни подороже будут. Интересно, как эти алмазы вообще оказались здесь. Да еще и в таком количестве.

– В свете той информации, что мы располагаем... м-м-м... – Михеев покосился на Березина. – Тебе слово, Федор.

Геолог затоптался на месте, чуть-чуть шевельнул губами. Казалось, тяжеловесные усы мешают ему открывать рот.

– Говорите, Федор Дмитриевич, – сказал Ярема, приковав к нему внимание, и снова закурил.

– Дело в том, – начал Березин, – что были времена, когда вулканическая деятельность на Земле была гораздо активнее, чем сейчас. Земная кора лопалась, как яичная скорлупа, и колыхалась, проседали и поднимались целые континенты. Планета являлась сплошным огненным морем, где не существовало дней и ночей – все было озарено багровым светом извергающихся вулканов. Базальтовая лава лилась отовсюду. При быстрых сжатиях и растяжениях пород возникала разница в давлениях, и появляющиеся при этом огромные газовые пузыри выталкивались на поверхность, образуя жерла вулканов, из которых вырывался огонь, пар и пепел. Затем магма заполняла жерло и застывала. Все стихало, вулкан засыпал навеки. В таких «одноразовых» вулканах и появлялись алмазы.

– А конкретнее? – спросил полковник, внимательно слушавший лекцию. – Как цунами могло принести их к острову?

– Алмазы в кусках породы, – продолжил геолог, – что вы держите в руках, возникли на глубине более двухсот километров, при давлении в пятьдесят-шестьдесят тысяч атмосфер. Современное океанское ложе – это базальтовый массив, застывшая миллионы лет назад лава, выброшенная из недр Земли. Очевидно, при сдвиге одна из тектонических плит наехала на другую, на которой находилось жерло древнего вулкана. И измельчило базальтовую породу с содержащимся в ней кимберлитом, словно огромными жерновами. Этот сдвиг произошел здесь, возле Курильских островов. Массу воды подкинуло вверх, образовалась первая волна цунами. Потом произошло подводное извержение вулкана у берегов Японии, которое и подняло к поверхности океана все эти богатства. Вторая волна подхватила и доставила кимберлит сюда. Полагаю, что остров сейчас просто тонет в алмазных россыпях. Но как это все происходило на самом деле – одному Богу известно. Всего лишь мои теории, предположения.

– А другие острова? – задал вопрос Ярема. – К ним ведь тоже могли попасть алмазы?

Геолог пожал плечами:

– Подобной информации мы пока не получали. Если это так, то скоро начнется алмазный бум. И...

– ...последствия будут непредсказуемы, – закончил за него полковник. – С этой минуты эта информация является государственной тайной. Всем ясно?

Геолог и остальные кивнули. Березин стоял, сцепив пальцы на уровне живота, и внимательно смотрел на полковника, который прекрасно уловил смысл. Меж его бровей пролегла складка.

Ярема стрельнул окурочек в сторону, достал телефон спутниковой связи, выдвинул антенну и замер, всматриваясь в индикатор сигнала на экране.

– Странно, странно... – пробормотал он.

– Что случилось, товарищ полковник? – поинтересовался Полеводов.

– Сигнала нет. Капитан, у вас рация где?

– В «уазике». – Полеводов указал направление. – В километре отсюда. Рядом с вашей машиной. А-а...

– Вперед! – Полковник уже не слушал, пружинящей походкой направился в том направлении, откуда пришли ученые и капитан.

Они последовали за ним.

Путь пролегал по узкой полосе берега, над которым нависали неприступные скалистые бастионы, зубчатыми парапетами карабкающиеся к небу. Ни одно деревце, ни один куст не росли на темном граните – цунами слизало жалкую растительность вместе с почвой. И повсюду, куда люди ни бросали взгляд, наблюдались жутковатые следы ярости стихии: искореженная рулевая рубка шхуны, разбитые буи, шлюпки, резиновые сапоги, весла, изуродованные деревья, сплюснутые металлические бочки, доски со щетиной ржавых гвоздей, бурые клубни ламинарий и рваные рыболовные сети и паруса. Через все это приходилось перебираться – как и прежде, перепрыгивая с камня на камень, преодолевая зыбкие завалы из гальки и ракушек.

Замыкающим шел Березин. Он споткнулся о рваный кирзовый сапог и упал, больно ударившись коленом о камень.

– Ешкин кот! – ругнулся геолог, потирая ушибленное место. – Пораскидали резину...

И в этот миг увидел то, отчего его глаза расширились, точно у проснувшегося китайца, к которому явился Будда с чашечкой утреннего кофе.

В воде, у самого берега, покачивался полутораметровый головоногий моллюск. Его белорозовые щупальца с присосками – распухшие и пузырчатые – вяло шевелились вместе с набегающей волной, кидавшей животное взад и вперед. Казалось, он выполз из водных глубин, чтобы отдохнуть на солнышке, но это было совсем не так. На спиральной раковине тигрового окраса виднелись пробитые чем-то острым продолговатые дыры, из которых то появлялась густая зеленая жижа, то выдувались слизкие пузыри с воздухом. Вид у моллюска был жалкий,

как у вскрытой жестяной банки. Пена шипела под ним. Изумленный черный глаз с тревогой наблюдал за обнаружившим его человеком.

Наглая чайка кружила над беспозвоночным животным, а затем спикировала на его раковину и принялась клевать, норовя угодить в открытые раны. Моллюск пошевелился, обнажились роговые челюсти, похожие на клюв попугая. Пронзительно пискнув, он стряхнул с себя птицу. Та взмыла в воздух, издав нарочито-недовольный крик.

– Стойте! – Березин указал рукой на раненого моллюска.

Все обернулись, увидели его находку и застыли с открытыми ртами.

– Жора, дай сигарету, пожалуйста, – вдруг произнес Михеев, протянув руку Полеводову.

– Не курю, – ответил тот, не отрывая взгляда от моллюска. – Ни хрена себе креветка! Расскажу своей Катюхе – не поверит...

– Это не креветка, а моллюск, чем-то похожий на нашего наутилуса, – поправил капитана океанолог. – И, знаете, мне кажется...

Ярема вытащил пачку «Парламента» из нагрудного кармана камуфляжа, зажал в губах две сигареты и, прикурив, передал одну океанологу.

– «Нашего», говорите? – вдруг сказал полковник. – А этот тогда – чей?

– Прежде ничего подобного не встречал, – ответил Михеев. – Странное животное. И раковина необычная. И капюшон... Я такие видел разве что в музее палеонтологии и в энциклопедии.

– Чего? – удивился полковник. – Думаете...

– Скульптурированная мономорфная раковина почти два метра в диаметре и имеющая подобные лопастные линии была только у одного подкласса головоногих – аммонитов, вымерших задолго до появления человека. Это – папарузосия сеппенраденсис. Хотя окрас – наутилуса, коричневые полосы на белом фоне.

– Такое возможно?

– Не знаю. – Михеев развел руками. – До сего момента существовали лишь окаменелые раковины этого животного. Аммониты весьма интересное ископаемое, своим строением они следуют закону логарифмической спирали, по которому построена и наша галактика. Последние представители этого подкласса головоногих вымерли более шестидесяти миллионов лет назад. Еще в меловом периоде¹².

Полеводов не удержался и присвистнул от удивления. Ярема бросил на него строгий взгляд.

Березин начал осторожно приближаться к моллюску, чтобы не спугнуть.

– Федор, ты куда? – окликнул его Михеев.

Геолог отмахнулся. Он был не тот человек, для которого кто-то другой должен тягать каштаны из огня.

Морское животное попятилось назад, отталкиваясь листовидной ногой и щупальцами, но, видимо, рана измотала его и давала о себе знать страшной болью. Чуть приподнявшись, оно снова рухнуло на бок, издав досадливый писк.

¹² Меловой период, или мел, – последний период мезозойской эры. Начался 145,0 млн. лет назад, закончился 66,0 млн. лет назад. Продолжался, таким образом, около 79 миллионов лет. Название происходит от писчего мела, который добывается из осадочных отложений этого периода, сформированных богатыми скоплениями ископаемых беспозвоночных морских организмов. В конце мелового периода произошло самое известное и очень крупное вымирание многих групп растений и животных. Вымерли многие голосеменные растения, водные рептилии, птерозавры, все динозавры (но уцелели птицы). Исчезли аммониты, многие брахиоподы, практически все белемниты. В уцелевших группах вымерло 30–50 % видов. Причины меловой катастрофы до конца не понятны. В конце мелового периода температура стала резко подниматься. Существует гипотеза, согласно которой причиной этих изменений являлись океаны: вместо того, чтобы поглощать тепло они, возможно, отражали его обратно – в атмосферу. Тем самым они вызвали парниковый эффект.

– У моллюсков нет голосовых связок... – подавленно произнес Михеев, почесав бороду. Удивлению океанолога не было предела. То, что он сейчас наблюдал и слышал, для науки вообще было, как серпом по одному месту. Не верилось. И точка.

Березин уже мысленно кричал животному: «Ага! Не уйдешь!» Но стоило ему приблизиться к моллюску на пять метров, как в глазах у него потемнело, и закружилась голова. Через секунду геолог сел на камень и уставился невидящим взглядом себе под ноги. Мысли его отключились.

И тут люди заметили другое существо, притаившееся за выступом скалы.

– Господи, прямостоящая амфибия, – прошептал Михеев, не веря глазам. – Невероятно! Здоровенная! Ребята, я реально сбрендил, муха меня залягай.

Но его никто не услышал. Они также разглядывали двухметровую черно-оранжевую саламандру с большими выпуклыми глазами, которая появилась из-за скалы и быстрыми прыжками подскочила к моллюску. Передвигалась она на задних лапах, почти как человек. Вслед за ней выскользнули еще две амфибии и присоединились к первой. На людей они не обращали внимания, лишь одна из тварей развернула в их сторону безобразную вытянутую голову, принюхалась, зашипела, ударила хвостом и оскалилась острыми зубами.

Амфибии приподняли моллюска и понесли на глубину.

– Что они делают? – поинтересовался у океанографа капитан. – Они его сожрут?

– Вряд ли, – ответил Михеев. – По-моему, они его... спасают. Опупеть! Глазам не верю...

– Чего? – Лицо Полеводова напряглось. Он скосил глаза на океанолога. – Спасают?!

– Не дайте им уйти! – воскликнул Ярема, выхватив пистолет. – Огонь по ящерицам! Ту гадину в панцире брать живьем!

Полеводов вскинул автомат и с криком «Сдохните, суки!» короткими очередями прошил двух амфибий. Они повалились и в предсмертной агонии забили хвостами. Третья тварь успела присесть, спрятавшись за раковину моллюска, выхватила из воды крупный камень и запустила им в капитана. Тот охнул, схватился за грудь, издал какой-то хрюкающий звук, будто получил удар свинцовой боксерской перчаткой, и упал навзничь. Михеев вскинул ружье, прицелился и засадил с обоих стволов амфибии в голову – та лопнула, как спелый арбуз. Полковник добавил пару пуль в грудь уже мертвой саламандры, и ее тело рухнуло в воду.

Моллюск, почувствовав под собой достаточную глубину, начал делать «полный назад», исчезая под водой. С каждой секундой его полосатая раковина становилась все меньше и меньше.

Березин поднялся с камня и смотрел на происходящее таким взглядом, будто опоздал на сеанс кинофильма и теперь пытается вникнуть в сюжет. Глаза у него так и бегали: моллюск – люди, люди – моллюск.

– Ах ты, чертов слизняк! – воскликнул он. – Дайте-ка мне автомат, хлопцы!

Но Михеев опередил геолога. Он буквально вырвал из рук корчащегося Полеводова «калашник», прицелился и выстрелил из подствольного гранатомета. Возле моллюска вздыбился водяной столб. Животное дернулось, завалилось на бок и всплыло, покачиваясь на волнах.

Люди бросились в воду, обступили моллюска и вытолкали его к берегу. Полеводов очухался и поспешил на помощь. Сломанные ребра ощутимо болели, но упрямства и терпения в этом человеке было не меньше, чем мускулов. Покряхтев, побагровев, капитан рванул моллюска за раковину и вытянул на отмель, не замечая щупальца, вяло облепившие его ногу.

– Фух! – выдохнул он. – Тяжелый, гад!

Щупальца отлепились от ноги капитана, тело моллюска начало заползать в раковину.

– Прячется... – Михеев с опаской косился на толстые щупальца, лиловые присоски и рот-клюв моллюска.

– Ты как? – поинтересовался Березин у капитана.

– Похоже, ребра треснули. Сильно метнул, мерзавец, как из пращи. Попал бы в голову – я б без пересадки на луну отправился.

Ярема подошел к Михееву.

– Молодца, Михаил Александрович! – похвалил полковник, похлопав океанолога по плечу. – Крепко вы ей врезали! Оглушили тварь, как обычную рыбу. Я-то сразу и не сообразил. Думал, решили ее на куски разнести, приказ мой нарушить. Вы где из подствольника так ловко стрелять научились?

– Боевики смотрел, – не без смущения ответил тот.

– Служили?

– Служил. Но автомат только на присяге в руках держал. Уже потом, на гражданке, охотой и рыбалкой конкретно увлекся. А что?

– Нормально! – усмехнулся Ярема. – Вы третий калач! Все-таки есть хоть какая-то польза и от голливудских киношников.

Полковник внимательно, с видом достойного последователя Шерлока Холмса осмотрел моллюска.

– Что-то добавите? – спросил он у Михеева.

Тот беспомощно огляделся и пожал плечами:

– Даже не знаю, что и сказать. Мировой океан веками таит от нас много непонятного. Думаю, какой-то новый подкласс головоногих. Возможно, хищник. Я бы, судя по его поведению, дал бы ему название – имо наскитур инимикус¹³, если вы, конечно, не против.

И заслужил безмолвное согласие.

Ярема наморщил нос, задумался.

– Так! Слушай мою команду! Капитан и вы, Федор Дмитриевич, вытащите из воды тех тварей, что мы подстрелили. Вы же, Михаил Александрович, стреляйте во все непонятное, что будет к вам приближаться. Всем все ясно?

Они кивнули.

– Ребята, амфибии вполне могут быть ядовиты, судя по окрасу, – предостерег их Михеев. – Так что тащите за хвост, на голове у них паротиды, околоушные железы, выделяющие нейротоксин. При таком размере... сами понимаете.

– Я поеду в штаб, – продолжил Ярема. – Нужна помощь, чтобы перетащить этих тварей в грузовик и доставить в лагерь. – Полковник строго посмотрел на Полеводова. – Капитан, не упустите этого моллюска! Если будет нужно, то хоть за яйца его веревкой к скале привяжите, но уйти до моего возвращения он не должен. Не отходите ни на шаг. И поливайте его водой, чтоб не сдох. Головой отвечаешь! Понял?

– Так точно! – козырнул Полеводов и поморщился, схватившись за грудь.

– Сильно болит? – осведомился полковник.

Капитан кивнул:

– Терпимо.

– Орден получишь – мигом тебя вылечит.

– Можно вопрос? – сказал Михеев.

– Задавайте. – Ярема сжал губы.

– Что вы собираетесь делать с этим животным в дальнейшем?

Вдруг полковник замер, взгляд его застыл, точно он занялся комплексным сканированием своего мозга. А потом ударил себя по лбу:

– Какой я дурак! Какой дурак! Как же я мог забыть и не сопоставить такие факты!

Михеев, Полеводов и Березин непонятливо покосились друг на друга. Они попытались ухватить полковничью мысль за хвост, но у них ничего не вышло.

¹³ Имо наскитур инимикус (imo nascitur Inimicus) – по-латыни «рожденный в глубинах враг».

– Так что же с животным намерены делать? – снова напомнил Михеев.

– Допросить «языка», – коротко бросил Николай Петрович.

Челюсти у ученых отвисли. Подыскать разумных объяснений словам полковника они не смогли. В их представлении он был похож на человека, растерявшего все шестеренки из головы. Полеводов, нервно жуя губу, обалдело думал: «И как он собирается это чудовище допрашивать? Такой, если и заговорит, то разве что ему ногой на яйца наступить...»

Больше не говоря ни слова, Ярема развернулся и стал быстро вскарабкаться по крутому склону. Через пять минут он связался по рации с лагерем. Насупившись, выслушал доклад дежурного. Около рта его легли болезненные складки, еще ниже опустились лохматые брови. Потом завел «УАЗ», смахнул дворниками приклеившиеся трупы насекомых и помчался по извилистой дороге. Машину кидало из стороны в сторону.

– «Новая разновидность», говорите? – полковник вспомнил слова Михеева. – Нет, уважаемый Михаил Александрович, нет. Мы в говне по самые уши. Это не разновидность новая, а абсолютно новая форма жизни. Неземная. Нашествие это, ребятаки. Нашествие...

И в этот момент машину сильно тряхнуло, понесло в кювет. Ярема затормозил, выскочил из авто и тут же упал на колени, не в силах устоять на ногах. Земля дрожала под ним. Запрыгали камешки. Поперек дороги зигзагом расплзалась трещина.

«Землетрясение?..»

Полковник вскочил на ноги, запрыгнул в машину и снова понесся, уже не разбирая дороги. «Уазик» порой увязал в щебенке и песке, но тут же выскакивал на твердый грунт и, рыча, прыгал дальше. А за ним, как бешеный, гнался адский гул.

Волна землетрясения достигла Курильских островов. Дно в Желтом, Восточно-Китайском и Японском морях медленно поднималось...

Мир преображался...

А Михеев крутил в руках одно из крупных перламутровых яиц, появившихся из мантийной полости самки-моллюска, и радовался, как ребенок...

Часть вторая

Дети крысиных пустошей

Глава третья

Банда Дикого Джека

Австралия. Побережье Тасманского моря. Много лет спустя после Нашествия.

Начать надо с того, что Джек Тейлор, по прозвищу «Дикий», неподвижно лежал на скомканной простыне, и лишь свисавшая нога с длинными пальцами изредка подрагивала, будто кто гнался за ним во сне.

В душной комнате стояла сырость и кислая вонь от ввевшегося запаха сигарет. Тусклый свет луны, пробивавшийся сквозь шторы, выделял нечеткими тенями кресло с ободранными подлокотниками, платяной шкаф без одной дверцы и стол, на котором находились: алюминиевые кружки, тарелка с огрызками еды, пустые пивные бутылки и жестяная кофейная банка, полная окурков. Рядом стоял огромный глобус, в человеческий рост, очень старый, многих существовавших на нем стран уже не было – остались лишь названия. На полу, возле дивана, валялась развернутая книга, а мускулистый ротвейлер дремал на вытертом коврике у двери. Время от времени пес поднимал голову, зевал, а затем ленивым взглядом провожал снующих туда-сюда больших рыжих тараканов и принимался облизывать лапы.

Джек обнаружил Румба в проржавевшей дренажной трубе – тощего, дрожащего щенка возрастом около трех месяцев. Щенок был напуган и не желал вылезать из трубы, но Джеку все-таки удалось выманить его куском хлеба и забрать с собой. Поначалу ротвейлер доставлял ему немало хлопот. Но парень успокаивал себя где-то услышанной фразой: «Заведя собаку, не сетуй на ее аппетит, лай, ссаки и какашки – ибо выбор сам себя определяет». И Джек набрался терпения. А когда пес подрос, все коренным образом изменилось. Румб стал верным другом, сильным и молчаливым телохранителем. Беспокоить Джека по пустякам больше никто не осмеливался. Даже наглые крысы разбегались от рыка собаки, как от свистка локомотива.

Сновидения нередко нагоняли на Джека тоску и безнадegu. И открывали шлюзы страха – глубокого, тайного, а порой и бросавшего в холодный пот и вызывавшего удушье. Тогда он кричал во сне и отбивался от воздуха.

Страхов было много. У каждого из них были имена. И всплывали лица – бледные, словно дождь смыл могильную грязь...

Отца парень помнил смутно. Тот нечасто появлялся в доме, а потом и вовсе пропал.

Раньше Джек часто прикладывал руку к своей щеке, вспоминая, как вернувшийся с моря отец брал его на руки и целовал, уколол щетиной, а затем хрипло, долго смеялся, вглядываясь в веснушчатое лицо мальчика, перебирающего пальчиками его черные, туго сплетенные косички. Вспоминал Джек и то, как отец мастерил кораблики, а затем, по просьбе сына, опускал игрушки в небольшое корыто с водой, надувал щеки и выдувал на корыто-бухту шквальный ветер. Парусники кренились, переворачивались и тонули, а малыш засовывал руку в воду, молча доставал их, и игра начиналась снова. Так продолжалось до тех пор, пока мальчик не уставал от бурь и кораблекрушений и начинал сам искать другую забаву.

Потом и эти воспоминания накрыла мертвая зыбь времени. От образа отца остался лишь размытый силуэт: широкие плечи, чуть склоненная голова, скупые жесты – и ни одного произнесенного им слова, будто с сыном его разделяло толстое дымчатое стекло, делавшее звуки бессмысленными.

Джек, с грустью, осознавал: их разлучила не соленая пучина, не вздыбившийся ураган, а та безликая и слепая старуха, чье присутствие всегда рядом – Смерть. Она и являлась той единственной, но непреодолимой преградой. Отец проглотил ее, как камень, и вместе с ней ушел на дно.

У Джека от отца остался лишь один предмет, который тот вручил ему незадолго до своей смерти, и мальчик бережно его хранил. Это был небольшой амулет, четырех дюймов длины, на бечевке, в форме миниатюрной подзорной трубы, в которую, если посмотреть, то можно было увидеть картушку¹⁴ компаса, почему-то все время остававшуюся неподвижной, как ни крути. Странная вещица не давала покоя малышу, он был убежден, что труба хранит какой-то секрет, и постоянно пытался разобраться в нем, но ничего не получалось.

Мать у Джека угасла от туберкулеза спустя два года после гибели отца. Как ни странно, воспоминания о ней не стерлись из памяти мальчика. Каждый ее визит из бесконечного странствия по далеким мирам захлестывал его душу радостью, кажущуюся почти нелепой. Только с матерью, во сне, он мог дать волю чувствам, прижаться к ее груди и заплакать, ощущая порхающие туда-сюда пальцы в своих волосах, перебирающие их как струны. И слышать ее нежно-сладостный голос, наделяющий пониманием и умиротворением.

После смерти матери шестилетнего малыша взял на попечение мистер Барри, закадычный друг отца. Алекс Барри работал простым докером. Это был крупный, рыхлый человек, внешне безобидный, но если он кого-то начинал подозревать в насмешках над его жизненными прерогативами, то тому очень скоро нездоровилось: слух у Алекса был тонкий, а тяжелый кулак быстро проверял на прочность хрящ в носу наглеца. Настоящий паровоз на ножках. Дядя Барри был борцом. Не в смысле, что он занимался спортивной борьбой. Он был борцом за справедливость и всегда отстаивал свое мнение, будучи и трезвым, и пьяным. «Или я прав, или ну вас всех на ...» – иногда доброжелательно сердился он, если оппоненты не скупилась на выпивку и хотя бы сильно не возникали против его теорий изменения социально-политической жизни в стране.

Алекса Барри хорошо знали в мелких распивочных, где он не забывал пропустить стаканчик-другой после работы. Домой всегда возвращался под хмельком, а то и пьяный в лоск. Часто засыпал за столом и храпел так, что и бульдозеру впору. Но иногда любил и поговорить. Джека он искренне полюбил и старался, как он говаривал, воспитать из него «настоящего мужика – с чистой совестью и яйцами размером с Западную Австралию¹⁵».

Барри с увлечением рассказывал мальчику разные истории, и истории неплохие – каждая из них являлась частицей «слоеного пирога» чьих-то судеб и обдавала кипучей энергией жизни. Но когда он что-то подобное рассказывал, то пьяные речи нередко пересыпались либо смачной руганью, будто отборные словечки вдохновляли его мятежный дух правдолюбия, либо неприличными шутками и хохотом, переходившим в сиплый кашель. В такие моменты его лицо напоминало девять стадий омара, которого варят. Курил Барри много, с его мозолистых и морщинистых пальцев никогда не сходила никотиновая желтизна. А изо рта из-за постоянного употребления пива неизменно пахло дрожжами и дохлой мышью.

Джек скрасил одиночество мистера Барри. И когда однажды мальчик поинтересовался, почему у него нет жены, то дядя безапелляционно заявил: «Запомни, парень, одну простую истину: мужчина, который женится второй раз, – сумасшедший!» – и загоготал, запрокинув голову. А после помрачнел лицом, и без того сморщенным как грецкий орех, и вымолвил: «Я

¹⁴ Картушка – подвижный диск (или кольцо) из немагнитного материала в магнитном компасе или из материала в репитерах гирокомпаса с равномерно нанесенными по окружности делениями градусной или румбовой системы. Используется для удобства ориентирования по сторонам света.

¹⁵ Западная Австралия (2525,5 тыс. кв. км) – самый крупный штат из федерации шести штатов и двух территорий Австралийского Союза.

вот что тебе скажу, дружок: присматривайся чаще к жизни других людей, а если самому туго будет, то лучше держи язык за зубами».

Старого драчуна и выпивоху Алекса не спасли ни стойкое чувство юмора, ни жизненный оптимизм, до конца не искалеченный всякого рода лишениями. Четыре года спустя он умер. Нет, не от цирроза печени. Не от рака легких. Не от пустой бутылки, кем-то запущенной в голову в очередной пьяной потасовке. И его не свалила наповал лихорадка. Все обстояло проще: скорую помолвку со смертью ему устроила начинка консервной банки.

Мистер Берри закашлялся во время еды, подавился овощным рагу и задохнулся. В тот момент некому было постучать по его широкой спине.

Труп Алекса Барри нашли соседи – затвердевший как кирпич.

Джека отвели в сиротский приют сразу же после похорон.

В кабинете управляющего Джек поморщился от яркого света и опустил голову.

– Еще один сорванец на нашу голову? – прогнусавил по-русски маленький тучный человек, откинувшись в кожаном кресле за письменным столом. Это был управляющий. Он положил на стол зеркальце и маленькие щипцы, которыми выдергивал волосинки из носа. А затем окинул мальчика взглядом стоматолога и пригладил ладонью свои засаленные волосы, казавшиеся настолько жирными, что на том жиру можно было даже поджарить яйца.

– Да, господин Давыдов, – ответил на русском, но с небольшим акцентом, тупоносый и круглолицый человек, сопровождавший Джека.

– У мальчика явно нездоровый вид. К чему таких доходяг нам подсовывают?

– Попробуем откормить, – сказал круглолицый.

Джек кое-что понял из сказанного, так как русский язык уже давно стал международным наравне с английским и его часто можно было слышать на улицах не только австралийских городов. И посмотрев на управляющего, подумал: «Мерзкий тип. До чего нелепо, что такой коротышка командует круглолицым – тот на три головы выше его. А этот, наверно, сидя в кресле, не достает ножками и до пола, хотя кто его знает...»

– Хм... тощий... и наглый, – управляющий нахмурился, продолжая смотреть на Джека так, будто собирался просверлить его насквозь. Достал из круглой коробочки мятные леденцы, закинул в рот и добавил уже по-английски: – Стоит, язык проглотил. Даже не здороваются. В будущем плохо кончит. Выведите вон наглеца!

«Вдобавок, они оба иммигрировали в Австралию совсем недавно, судя по акценту», – попытожил Джек, косясь то на управляющего, то на своего «конвоира».

Круглолицый тут же исполнил команду босса. Ткнул мальчика пальцем в спину, точно штыком, и повел к выходу.

– Да, Арунас, объясните ему правила поведения в нашем заведении! – вдогонку крикнул управляющий, потирая пальцем созвездие прыщей на лбу. – И понаблюдайте за ним.

– Обязательно, господин Давыдов, – снова по-русски ответил круглолицый, прикрывая за собой дверь.

Приют Джеку не понравился. Там его накрыла волна омерзительной жизни. Создавалось такое чувство, что он попал прямо в ад. Издевательства над младшими и более слабыми в приюте были вместо лекарства от скуки, и отношения напоминали дурацкую игру «кто из нас выше, тот и прав». Кормили отвратно и скудно – продукты бесцеремонно растаскивались администрацией и служащими заведения. От сырости то и дело распространялся туберкулез. От грязи – чесотка и вши. Постельное белье – обитель клопов. Да и нормально дышать там было нечем – рядом с приютом из канализационных стоков в реку постоянно сбрасывалось содержимое всех городских толчков и потоки отработанных машинных масел. Чужие и брошенные дети никому по-настоящему не нужны, кроме родителей с их безоглядной любовью, эти дети заселяют мир, как маленькие призраки – Джек знал об этом, потому что сам входил в их число.

И помочь было некому.

«Дрейфуй по жизни сам – никто не запрещает!» – так и просился над входом в приют воистину мудрый девиз.

Дети в приюте с грехом пополам овладевали чтением, письмом и таблицей умножения – да только кому это нужно, если потом, когда исполнится восемнадцать лет, все одно окажешься на улице и приличной работы, где понадобятся эти знания, не сыскать? Они часто устраивали галдеж, срывая уроки. Да и сами преподаватели не отличались хорошим нравом. Если кто пытался списать задание у соседа, то учитель снимал с ноги свой тяжелый ботинок и швырял в провинившегося. Как-то ботинок попал в соседа Джека по парте – шрам на лбу, вероятно, у того остался на всю жизнь.

В глазах воспитателей чередовались то смертельная усталость, словно у ломовых лошадей, готовых умереть в ярме, то откровенное презрение, – и всегда улыбались лишь зубы, а потом уж начинал шевелиться язык и сыпались тирады ленивых откровений и бесполезных нравоучений.

Картины того, как все эти лицемеры, садисты и воры лежат в канаве со свернутой шеей, часто вставляли у Джека перед глазами. У них была плохая аура, и они заслуживали наказания. Особенно управляющий, «судья Шнур», как прозвали его питомцы приюта. Тот использовал лишь один способ воспитания: заводил детей по одному в свой кабинет, стягивал с них штаны вместе с трусами и бил по голой заднице шнуром от сломанного вентилятора, а после – имел с некоторыми провинившимися долгую беседу. Волдыри после такой экзекуции оставались страшные и не сходили долго. Джек однажды увидел их в душевой у одного девятилетнего пацана, проштрафившегося перед «судьей Шнуром». Управляющий мог избить ребенка лишь за то, что тот ответил на какой-нибудь вопрос «ага» вместо «да, сэр».

Слушать колкие насмешки старших мальчишек по поводу своей худобы, получать тычки в спину, ходить полуголодным и постоянно ждать, что чем-нибудь заразишься и окочуришься – у Джека не вызывало желания. Пребывание в приюте давило на него. Сильно давило. Обычно время летит, пока ты молод. В стенах же заведения время замедляло свой бег, шло по кругу маленькими приставными шажками, а порой и просто останавливалось. Напоминало песочные часы, наполненные песчинками-лицами, ускользящими через горловину. В никуда. И стены наседали спереди, сзади, слева, справа, а плафоны светильников начинали покачиваться, как маятники ходиков, у которых заканчивается завод пружины. В таких обстоятельствах оставалось два варианта: либо сбежать и, сохранив рассудок, выжить, либо сойти с ума вместе со всеми и в конце концов умереть. Или-или.

Поговаривали, что и «судья Шнур» не просто так заводил к себе детей для наказания. Как ни странно, но он подбирал на эту роль самых симпатичных мальчиков, и у тех, кто был постарше и побольше понимал в жизни, не вызывало сомнений, что тот был мерзким гомиком и педофилом в одном лице.

Когда же об этих странностях управляющего шепнули на ухо члену комиссии из попечительского совета, тот не поверил. Точнее, сделал вид. А после, подумав, заявил, что без серьезных доказательств ему плевать на любые обвинения в адрес управляющего, будь тот хоть трижды извращенцем и имей прочие пикантные склонности.

Вышеупомянутому «судье Шнуру» все же пришлось «оправдаться» ящиком бренди перед членами комиссии и устроить грандиозную показуху в виде шикарной трапезы для сирот. Меню ужина состояло из: жирного супа, сваренного из макарон, подсоленной воды и прессованного куриного концентрата; гречневой каши с давно просроченной тушенкой, напоминавшей овечьи какашки; консервированного огуречного салата и стакана прокисшего фруктового пунша.

После весь приют до самого отбоя не слазил с толчков (желудки едоков с непривычки не смогли нормально переварить такую «щедрость»), поэтому никто так и не наелся. А затем обессиленные дети отправились на боковую, дабы сном заглушить потрясение от жизненных

реалий. Смелычака, того что на него настучал, «судья Шнур» вскоре перевел в другой приют, перед тем хорошенько отметелив шнуром, так, что от бедняги едва не остались «рожки да ножки».

Джек не стал дожидаться, когда до его тощей задницы доберется шнур, а потом управляющий намажет крем на свой член и с хрюканьем и вздохами всунет ему в задний проход, после чего несомненно начнутся нелады с психикой. Подобная перспектива приводила мальчика в ужас. Он исхитрился улизнуть из принудительного «ада», как прирожденный иллюзионист, спрятавшись в один из мешков для грязного белья, которые раз в месяц отвозили в прачечную. А когда грузовичок притормозил на перекрестке, выбрался из кузова, заметил просвет в толпе и затерялся среди людей. Искать пропавшего мальчика никто не стал. Одним ртом меньше.

Джек оказался на улице – один, без еды, без крыши над головой, без уверенности в том, что для него наступит завтра. Первую ночь он провел в заброшенном сарае на окраине города. Сам на сам со свободой, пахнувшей сухим навозом и соломой. А утром вышел во двор, закрыл глаза и подставил лицо солнцу, заполнившему его голову красным светом. «Посреди жизни нашей нас поджидает смерть...» – всплыл в сознании мальчика вялый лепет священника у могилы мистера Барри. И Джек будто проснулся, испугавшись того, что незримое расстояние этих слов навсегда отделило его от прошлой жизни, обернувшейся серой изнанкой. Понимание это пришло к нему так же четко, как в старых черно-белых фильмах сразу становится ясно, кто злодей. Он содрогнулся, открыл глаза – бездонная глубина неба поразила его ощущением собственной мизерности.

После недели скитаний, находясь на грани голодной смерти – тело казалось опустошенным и невесомым, ребра ходили ходуном, а в голове не было ни единой мысли, будто он бредил наяву – Джек столкнулся на мосту с двумя беспризорниками во время своей «медитации-тренинга».

Была ли нужна эта встреча? Вытянул ли он счастливый билет у судьбы?

Джек и позже много раз задавал себе вопросы: что бы случилось, если б он их не встретил? Если б они задержались где-нибудь на пару-тройку минут? Трудно сказать. Скорее всего, ничего хорошего. Возможно, Джек все-таки прыгнул бы с моста вниз и разбился. По правде говоря, он тогда принял именно такое решение. Но, к счастью, ему не суждено было сбыться. Мало того, он и сам сомневался: а сможет ли?

Судьба свела Джека с одной из уличных банд прибрежных трущоб, состоявшей из бездомных подростков: дюжина смелых до отчаяния пацанов и пара бойких девчонок – все самого разного возраста, цвета кожи и национальности. Они жили настоящим, не веря в будущее, и не озирались в прошлое. Как известно, у молодости короткая память. А воспоминания – удел стариков.

Юные бандиты решали такие проблемы, что и не каждому взрослому под силу. Дети их возраста учились читать и писать, а они учились воровать и грабить. Могли при случае могли пырнуть ножом, добывая себе на пропитание. И разговоры у них были не детские – бранились так, что уши вяли. И жизнь они воспринимали совершенно не по-детски. В их сердцах чаще рождались жестокие чувства. Да, они грешили, но это происходило потому, что у них не было ни дома, ни отца с матерью, некому было окружить их любовью.

«Выживает сильнейший!» – гласил их суровый девиз.

Джек впитал эту истину как губка. Естественный отбор. Свобода сродни той, что обитает в джунглях. И он принял меры. Изо дня в день начал поднимать тяжелую гантель, накачивая мускулы. Набил песком мешок и до крови сбивал об него руки и ноги, отрабатывая удары, которым его обучал Джо Снежок. А позже украл у подвыпившего матроса выкидной нож – и вскоре сменил вожака шайки, постоянно достававшего новичка поддевками.

Динго был старше Джека на пять лет. Зря главарь тогда отвернулся, пытаясь заклеить новичка обидными словами: «Вы только посмотрите на этого наглого сосунка! Достаточно,

чтобы от такого кукабарры¹⁶ лопнули от смеха!» Ответные ухмылки членов шайки лишь усилили обиду Джека. И он не замедлил постоять за свою честь – хладнокровно всадил лезвие ножа в спину главаря, по самую рукоять. Случайно угодил в сердце – Динго умер, не успев даже пикнуть. Один из его сторонников ловко раскрыл нож-бабочку и бросился на Джека, но тут же оказался на полу, сплевывая зубы и кровь. На лице Джо Снежка в тот момент скользнула довольная улыбка. Остальные тут же уловили в глазах Джека что-то такое, что заставило их в дальнейшем его слушаться беспрекословно.

Так, вслед за лютой песней пружины ножа, лязгнул и замок на прошлой жизни Джека. Раз и навсегда. Для оперившегося преступника открылся выход в другой мир – за новыми неприятностями.

Шли годы. Джек вырослел.

Читтерлингс, как и многие австралийские города, оживал с заходом солнца и на рассвете вновь погружался в тишину. Днем жители либо отсыпались, либо занимались по хозяйству, либо проводили время в тавернах за кружкой холодного пива перед экранами телевизоров. Работали зачастую тоже по ночам. Лишь дети посещали школы днем, а дворники, в основном набравшиеся из числа аборигенов, более привычных к зною, негромко бранились и подметали ненавистные улицы, заваленные хламом. Всему виной – невыносимая жара и влажность, образовавшиеся после того, как появился странный туман пришельцев. Хотя и раньше в этой части Австралии климат редко баловал людей прохладой. Даже в Мельбурне, где когда-то погода менялась едва ли каждые два часа, наступила относительная стабильность.

Вчера Джек встречался с двадцатипятилетней проституткой из Южного Читтерлингса, района, на территории которого шла торговля не только дарами моря и сувенирами, но и существовали Улицы Синих Фонарей¹⁷, где девушки и женщины покупались мужчинами так же бездушно и спокойно, как покупают бутылку пива. «Хлебное» место, где в толчее рынка, кишевшего ротозеями и роем горластых азиатов, удобно было чистить карманы. Толпа на рынке всегда четко делится на три части: торговцы, покупатели и воры.словно три разных народа, точно животные разной породы. Да и в грязных улочках, ведущих в никуда, часто грабили заблудившихся коммерсантов и прохожих. Там постанывали не только проститутки и ветер. Из окон часто слышалась ругань, крики, женский визг, треск ломаемой мебели. А порой вспыхнувшая ссора гасла в звуках выстрелов, забиравших чью-то жизнь.

Жрицы любви в дорогах публичных домах Южного Читтерлингса славились телами: груди, ляжки, задницы – все отборное и, в принципе, по доступной цене, что привлекало многих похотливых развратников с тугими кошельками. В дешевых борделях девушки были попроще, с какими-нибудь изъянами, оставленными кулаками и острыми бритвами сутенеров, или были толстухами, под которыми скрипел пол. Но в глухой ночной час и там находили кров, семейный очаг и любовь воры, мелкие контрабандисты, списанные на берег матросы и бродяги.

Девушки обнажали плечи, поблескивали напомаженными губами – красными, зелеными, ядовито-желтыми, синими или фиолетовыми в зависимости от того, в какой полосе радуги находилось их настроение. И все свои бесчисленные пороки они озаряли нежнейшими улыбками и истомой во взгляде, умело пользуясь этими атрибутами бесстыжей торговли сексом.

Дядя Барри как-то окрестил такое их поведение словами – «Сучки на охоте», после чего сплюнул. А затем объяснил Джеку, что мужчинам лучше не искать утешения с такими женщинами, чревато – пенис может почернеть, сгнить и отвалиться к чертям собачьим. «Лучше уж

¹⁶ Вид зимородка, распространенный в Австралии. Очень шумная птица, длиной около 40 см. Ее легко распознать по крику, похожему на хохот.

¹⁷ В Австралии, в описываемое в романе время, вместо европейских «красных» фонарей, перед входом в бордель вывешивают «синие» – как это делалось еще в XIX веке. Единственная европейская страна, где также существуют Улицы Синих Фонарей, это Голландия, но там, в отличие от Австралии, в подобных местах находят «утеху» женщины, пользуясь услугами мужчин.

найти дупло в дереве и засадить в него – все безопасней», – говаривал Барри, сердито посматривая на высоких роскошных телок и шаря рукой в кармане, в котором зачастую бренчала одна мелочь.

Но когда Джек подрос, у него сложилось свое мнение. Уже полгода Джек навевался к той девице в первый и третий четверг каждого месяца. Она была вольная проститутка, не из тех, что батрачили на сутенеров. Хрупкая и красивая брюнетка, с ухоженными руками и сочными восточными глазами сама позвала его, когда юный бандит, засунув руки в карманы и поглаживая пальцем костяную накладку рукояти ножа, слонялся по улицам, на которых собирались проститутки. Он присматривал пожилых ловеласов, покидавших бордели. Таким поставь нож к горлу – они бледнели, как мел, и деньги дрожали в протянутой руке. Что могли сделать эти неповоротливые жирные свиньи, у которых, стоило им только нагнуться, постоянно лопался шов на брюках в промежности? Ничего! Они понимали, прекрасно понимали, черт возьми, что их жизнь висит на волоске. Холодная сталь жгучее любого слова – Джек знал это не понаслышке и умел нагонять страх. Надрывать пупок за жалкие гроши, честно зарабатывая на жизнь, он не собирался. Да и кто возьмет на работу несовершеннолетнего бродягу?

Джек гордился своими руками и тем, с каким мастерством они владели ножом. Да и сам нож был предметом его гордости. Острый и крепкий, способный разрезать консервную банку или без труда пробить железную бочку. Не нож, а настоящий «топор», которым при необходимости, в будущем, можно было и побриться.

Полиции Джек не опасался. Не тот случай. Жертва для грабежа специально выбиралась среди тех, кто постарше и у кого блестело обручальное кольцо на пальце. Кому они будут жаловаться? Побегут в участок, чтобы там составили протокол, выяснили адрес потерпевшего, никого как всегда не нашли, а после, согласно установленному порядку, официальным уведомлением сообщили женам о своей неудаче и похождениях потерпевшего? Они молчали как рыбы. И с пустыми карманами уходили прочь, стараясь поскорее забыть о том позоре, что их обчистил какой-то донельзя лихой мальчишка. Желающих геройствовать встречалось мало, да и те умолкали – навсегда. Джек затыкал глотки смельчакам одним точным ударом. Его тело в такие мгновения дрожало, в кровь выбрасывалась убойная доза адреналина, а после завершения дела голова взрывалась от дикого восторга. Да, это было самое приятное ощущение в мире – лучше хмеля, лучше секса – когда удавалось доказать свое превосходство, а потом илизнуть незамеченным с места преступления. Ищи-свищи его в Пустошах.

Жалости и угрызений совести Джек не испытывал. Ведь он действовал не хуже судьи, стучащего молоточком, – разве нет? Только начини мучиться по пустякам – хана всему. Во всяком случае, рано или поздно все умирают, был уверен Джек. Как-то раз он спросил об этом у дяди Барри, справлявшего большую нужду, а тот ответил через приоткрытую дверь туалета: «Люди беззубыми рождаются, Джек, беззубыми их и могила принимает, если, конечно, им божьей волей повезет дожить до глубокой старости. Но лучше умирать раньше, пока не превратился в мешок дерьма и не начал чувствовать, что ты лишний». Джек был с этим полностью согласен – стоит ли улыбаться миру фальшивыми зубами?

Имя любовнице Джек дал сам, вспомнив его из книги, которую когда-то читал – Цирцея. Свеженареченная девушка, услышав красивое слово, улыбнулась и поцелуем выразила согласие. Ее настоящего имени парень не знал по трем причинам: та родилась немой, рано, как и он, стала сиротой и ко всему – была безграмотной. Да и позже не пытался узнать – ни у кого не спрашивал, дабы не муссировать слухи о каких-либо личных связях в городе, не связанных с деятельностью банды. Тем более она не брала с него деньги, а значит, не страдал и «общий котел», за которым следил ворчливый Кубышка Стью – член шайки, стерегший каждый цент, как дракон в пещере.

Однажды Джек предложил Цирцее серебряный североамериканский доллар – отказала и отпрянула прочь, будто на его ладони лежала не редкая антикварная монета, а свернувшаяся

яся кольцами ядовитая змея. К чему затевать дальнейший сыр-бор, если проститутка сама соглашалась бесплатно переспать с пятнадцатилетним мальчишкой, умеющим держать фасон и умно говорить? Да и Джек был рад тому, что Цирцея общалась с ним не глупыми словами и шустрим трахом, как другие его подружки из трущоб побережья, а одаривала любовью, окутывающей как душный вечер. Все, что он знал раньше, было лишь подобием любви, жалкими крохами. И разница в возрасте его не смущала, скорее – наоборот.

Еще Цирцея умела заливисто и заразительно смеяться. А Джек, не в силах сдержаться, подхватывал и вторил ей, испытывая при этом смешанные чувства, которым не находил пояснения. И всегда удивлялся этой особенности немой девушки. Она смеялась. И мир менялся. Девушка околдовывала парня. И он понять не мог, как она могла заниматься проституцией, что привело ее в такую дыру, как Южный Читтерлингс. Она была создана для иной любви, в ее глазах он часто видел выражение подавленного жизнелюбия, рвущееся из своих оков. Джек пленился ею. А когда это понял, то твердо решил: «Хватит дурью мучиться! Я кто: мужчина или баба? Слабость настоящему мужчине не нужна, иначе сразу пойдешь ко дну».

Джек попытался обозлиться на Цирцею, посещать ее реже, но не смог, не выдержал, так как знал: она постоянно ждала его, готовая в самую темную ночь зажечь на небе звезды их любви. Факт оставался фактом: мысли о ней всплывали из подсознания все чаще и чаще, принося трепетное вожделение. Она была близко, но будто на краю света. И ответы на все вопросы-ловушки рождались сами. «Поскользнулся на песке», как говорили члены его шайки.

Дикий Джек спал. Грудь дышала ровно. Ему снилась Цирцея. Пес ворчал в дреме. А дождь исполнял барабанное соло на отливе и дрожащих от ветра стеклах оконных рам, за которыми лежали туман и море.

* * *

Проныра часто проводил ночи на чердаке. Смотровое окно открывало вид на бездонное небо и пустынное море, отражавшее, подобно зеркалу, каждую звезду. Он подолгу сидел в кресле, закинув руки за голову, и глядел на плывущие небесные корабли – на желтую луну, на звезды без числа, – чувствуя их далекую тайну и близость, словно те своим сиянием пытались поведать некий секрет, предназначавшийся только ему. А по утрам, с первыми лучами солнца он всматривался в горизонт, словно ища что-то.

Голос ветра обычно звучал тихо, глухо и ровно, но этой ночью он гулко стонал, начиная распевать задорные куплеты надвигающейся бури. Его порывы крепчали с каждой секундой, а редкие звезды выныривали из-под клубящихся черно-свинцовых туч, то и дело скрывавших луну.

Дождь клонил Проныру в сон, заставляя веки слипаться. В желудке ворочалась какая-то дурнота. А в голове теснились десятки путаных вопросов.

– Джин будешь? – раздался голос у него за спиной. – Давай махнем по маленькой, братишка. Вчера мы урвали недурной куш. Это не то, что срезать сумочку на улице у какой-нибудь зазевавшейся дамочки.

– Да, недурно, но нас едва не зажопили копы, – пробормотал Проныра.

– Везуха сработала! У любого вора один ангел-хранитель – это его везение. За это, брат, и надо выпить!

Проныра обернулся и посмотрел в угол, слабо освещенный керосиновой лампой, где его напарник Штопор ловко вскрывал лезвием перочинного ножа банку с консервированной крольчатинной в соусе кэрри. Рядом, на стопке перевернутых ящиков, стояла початая бутылка «Черного Галеона» и стаканы, а на газете лежали ломтики жареной рыбы и свежего хлеба. Рыжий кот, недавно подобранный на улице, уже хрустел рыбьими костями на полу.

Проныра промолчал, мысленно обыгрывая дальнейшую судьбу кота, помеси перса и, наверное, старой швабры: «Рыжему долго здесь не прожить. Если надумает покинуть дом в поисках теплого тела кошки, то через день-два найдем его обглоданные кости. Не зря ведь эти трущобы прозвали Крысиными Пустошами. Возможно, это его последний ужин...»

– Эй, ты там не умер?.. – поинтересовался Штопор, низкий, тощий пацан с желтоватой кожей и плоскими чертами лица.

Проныра продолжал безучастно смотреть в окно и размышлять.

Да, вчера они со Штопором провернули неплохое дельце. Правда, едва не столкнулись нос к носу с полицейским патрулем, будучи уже на выходе из города. Им крупно повезло, что где-то в таверне завязалась драка, а дежурный офицер вызвал копов по рации, иначе бы ребятам пришлось срочно избавляться от украденных вещей и улепетывать со всех ног.

Обычно же дело происходило так. Имея внешность упитанного мальчика из благополучной семьи и выглядя моложе своих лет, Проныра, одетый в хорошую, но уже не очень свежую одежду, подходил к ранее намеченным дверям сердобольных горожанок. Размазывая ладонью по лицу притворные слезы, просился на ночлег. Якобы он приезжий и потерял родителей в незнакомом городе, но уже так поздно, что некуда деться, а завтра он собирается обратиться в полицию. Так он и делал: утром уходил, не забыв вежливо поблагодарить за гостеприимство, но ни в какую полицию и не намеревался идти. За углом уже ожидал подельник, внимательно ловивший каждое слово наводчика: о расположении комнат, о том, где хранятся ценности, и прочее-прочее.

А следующей ночью, почти под утро, когда городские гуляки расходились по домам и улицы становились безлюдны, из темноты проулка появлялись две тени. Та, что поменьше и похудее, карабкалась, как шимпанзе, по водосточной трубе и, как призрак, пробиралась в дом через окно. Второй грабитель, низкий и толстый, стоял на стреме, готовый подать сигнал сообщнику условным свистом в случае опасности, ловил сбрасываемые сверху вещи и продукты и складывал их в сумки.

Обчистив жильцов, воры исчезали так быстро, словно им в спину дул самый быстрый ветер – норд-ост. И вскоре огоньки города таяли в воздушно-водяной взвеси¹⁸, разделявшей Читтерлингс на две части – Верхний и Нижний секторы. Парни спускались в этот странный туман и уже не спеша направлялись к своему пристанищу. Им уже было почти по четырнадцать, а не каких-нибудь там сопливых девять, и чувствовали они себя настоящими мужчинами.

Проныра не испытывал жалость к чужим людям, пусть и проявившим к нему сочувствие. Иначе – как жить? В ужасы преисподней, которые живописали проповедники, он не верил. А существование рая подсознательно считал воплощением человеческого одиночества, возлагающего надежды на несуществующий потусторонний мир. К чему переживать из-за гнуса реальной жизни.

– Чего молчишь? – снова осведомился Штопор.

– Я бы просто заморил червячка... – обронил Проныра. Запах кроличьего мяса пощекотал ему ноздри и заставил сглотнуть накатившую слюну. – Брюхо уже полчаса как поет... – И добавил: – Кажись, будет буря.

– Чего? – не понял Штопор, делая бутерброды. – При чем тут буря к моему предложению выпить?

¹⁸ Речь идет о странном «тумане», искусственно созданном пришельцами в Центральной Америке, некоторых областях Средиземноморья, а также в низменностях и побережьях Центральной Африки и Австралии. Его высокая влажность позволяет расе инопланетных амфибий очень долго находиться вне моря и постепенно колонизировать эти территории. Концентрация этой воздушно-водяной, в которой могут дышать как люди, так и рыбы, везде разная – в зависимости от средней годовой температуры. Нередко – между людьми и амфибиями – там происходят стычки.

– Шустрик, Косой, Прищавый и Рыжая Дорин ушли к старой пристани еще днем и до сих пор не вернулись, а обещали быть к вечеру, – пояснил Проныра, сдвинув брови. – Надо бы Дикому сообщить. Как думаешь?

– Иди, выпьем по глотку, – не унимался Штопор, сделав вид, что пропустил мимо ушей слова друга. – Чего ты чумного гоняешь?

– К Дикому вместе пойдем?

– Я к нему не пойду. Он спит, а разговаривать с зубами ротвейлера мне нет охоты.

– Раньше ты больше боялся Джека, а не его пса...

– Дикий Джек может оторвать быстрее нос, чем яйца, – ответил Штопор.

– Гы! Ты их так ценишь, словно они у тебя от Фаберже! – хохотнул Проныра.

– Нет, – насутился Штопор и буркнул: – Яйца у меня – от папы с мамой.

Проныра промолчал. А Штопор открыл портсигар, закурил сам и предложил приятелю, но тот отказался.

На минуту воцарилось молчание.

Штопор хлопнул себя по щеке:

– Черт, москиты совсем осатанели! Не спится им...

Проныра поднялся с кресла, потянулся к ручке окна. Стоило ему открыть створку, и ветер, бешеный, со свистом, влетел на чердак, разметая все на своем пути. Найдя выход, ветер распахнул дверь и устремился вниз по лестнице долгой, тоскливой песней. Помещение наполнилось запахом морской соли, гниющих водорослей и чего-то еще.

– Закрой! Закрой! – заорал Штопор, схватив бутылку и закрыв собой импровизированный стол. В зубах он зажал сигарету и его крик был больше похож на громкое мычание. – Какого черта ты делаешь?! Хочешь жратву с пола собирать?!

Кот задрал хвост, шикнул и шмыгнул в темноту с такой скоростью, будто собрался по стенкам бегать.

Огонь под колпаком лампы судорожно задрожал, готовый вот-вот погаснуть.

Проныра захлопнул окно и повернул ручку.

Наступил относительный покой.

– Буря будет, – снова проговорил он задумчиво. Медленно подошел к Штопору.

– Да и фиг с ней, – ответил тот, протягивая подельнику стакан и бутерброд. Сигаретный дым попадал ему в глаз и тот начал слезиться. – Держи. А за наших не переживай. Если не полные мудаки, то заночуют в заброшенных доках или на Корабельном кладбище. Туда и ящерицы не ходят. Мазуту и прочую грязь нашей цивилизации эти суки не любят.

При упоминании о прищельцах, которых Штопор презрительно называл «ящерицы», Проныра поморщился, а когда опрокинул в рот содержимое стакана, то скривился еще больше.

– Подделка... – выдохнул он.

– Уверен? – Штопор внимательно заглянул в дно своего стакана, поднес к носу и по-собачьи понюхал. Затем взял бутылку и посмотрел на нее так, словно там были заключены чьи-то злые души, которые отчаянно пытаются выбраться наружу. – По-моему, ништяк пойло.

Проныра откусил от бутерброда хороший шмат и стал жевать. Гроздь сенсорных клеток кролика, внедрившаяся в эпителии языка, послала в мозг удовлетворенный импульс: «Мм-мм-мм! Вкусно! Обалденно вкусно!»

– В прошлую пятницу я пил подобный суррогат с Джо Снежком и Угрюмым, – чавкая набитым ртом, поведал Проныра и указал на бутылку. – Потом целый день ходил с сушняком и головной болью. Несколько раз меня вычистило в ведро. Думал, аппендицит выблюю вместе с желудком. Не помогли даже пиво и аспирин.

Штопор поднял глаза от бутылки, которую рассматривал так пристально, словно уже вошел в телепатический контакт с командой парусника на этикетке. И философски изрек:

– Что поделаешь, дружище, в нашем мире нищеты и угнетения тяжело отыскать что-то стоящее. Приходится довольствоваться тем, что имеем.

– Угу, ждать подачки ни от кого не приходится, – согласился Проныра. – Ты где такой хрени наслушался, что начал рассуждать, как Башка?

– Его интересно слушать, хотя и не все понимаешь. Он такой же спец по болтологии, как ты по метанию пончиков, – парировал Штопор и хохотнул. – Иногда мне кажется, что Башка проглотил всех умников мира и их ноги торчат у него изо рта, как у старого пердуна Ницше.

– Не порть аппетит, – буркнул Проныра, поморщившись. – То, что одни считают обжорством, другие люди называют здоровым аппетитом. Лично меня еда всегда утешает. – И осведомился: – А кто такой этот Ницше?

– А хрен лысый его знает! Слышал где-то. Кажись, от Башки.

Штопор плеснул себе еще джина, хотел было налить и товарищу, но тот накрыл свой стакан ладонью:

– Нет. Я больше не буду. – И взял кусочек рыбы.

– Чего так? – удивился Штопор.

– Пьянство – не мой конек.

– Ты хоть имеешь представление о пьянстве?

– Имею. Мой старик пил так много, что откинул копыта. Бутылка одолела. Одолевала-одолевала, чуть сильнее с каждым годом, а потом прибрала целиком. Зачем мне эта карусель?

– Не знал, извини.

– Теперь знаешь.

– Веришь в круговорот дерьма в природе? – поинтересовался Штопор и его и без того узкие глаза превратились в настоящие щелочки.

– А ты? – вопросом на вопрос ответил Проныра и мысленно обозвал дружка козлом.

– Аналогично. – Штопор набрал полный рот джина, скорчил гримасу и проглотил.

– Такой удел большинства раздолбаев, кто не верит. Эта хреновина знает свое дело.

– Лучше раньше сдохнуть, чем вникать во все это.

– Как знать, как знать... – произнес Проныра, задумчиво пережевывая рыбу. – Как говаривал мой отец: «Жизнь не сборник кроссвордов, где на последней странице можно найти все ответы».

Из-за ящика выплянул испуганный кот, осмотрелся, успокоился и начал тереться о ногу Проныры, выпрашивая добавку. И получил ее.

Проныра указал на кота и заявил:

– Уверен, что и Рыжий имеет свое мнение.

– Ну – и? К чему ты котяру сюда приплел?

– Он сейчас рыбу слопал, верно? Как думаешь, кот, насытившись, когда-нибудь скажет: «Прошли те дни, когда я убивал мышей». А?

– Хрена с два! Никогда не скажет, – хохотнул Штопор и почесал в затылке. – Потому что коты так же не умеют разговаривать, как и исполнять танец живота. А мыши всегда будут убегать от них в нору и оттуда показывать им «нос».

– Да пошел ты...

– Мяу-мяу! – подразнил товарища Штопор. – Ты реальный псих, Проныра. Пытаешься говорить, точно в море ссышь, чтобы оно стало соленее. Видно, что ты наблатыкался у Башки умно говорить, аж уши трубочкой сводит. Но как птички роняли свои какашки с небес на нас, Проныра, так и дальше будут это делать.

На полу кот вгрызлся в свой живот, пытаясь поймать блоху.

– Мой отец едва ли не каждый день клялся бросить пить, – сказал Проныра, наблюдая за котом. – Сначала – нам с матерью, потом – сам себе у зеркала. И вспоминал прежние вре-

мена. Как-то он сказал, что во время прилива тонут лишь те лодки, у которых короткая цепь. Врубается?

– Белая горячка, точно тебе говорю. Во что тут рубаться? Зачем он столько пил?

– Я как-то спросил его: «Папа, зачем ты пьешь?» И, знаешь, что он мне ответил?

– Что?

– Он сказал: «Пройти мимо колодца, не напившись, невозможно, сынок».

– М-да...

– А что с твоим отцом случилось? – спросил Проныра, наблюдая, как Штопор не спеша пьет оставшееся виски из стакана. – Ты никогда не рассказывал об этом.

– Будешь смеяться, – нахмурился тот.

– Отчего же?

– Его убили шоколадные батончики.

Пухлое лицо Проныры вытянулось от удивления, он даже жевать перестал, наклонившись к товарищу, чтобы удостовериться в том, что услышал:

– Да ну! Это как?.. Ты мне расскажешь об этом?

Штопор хмыкнул.

– Тебе станет легче, приятель, – настаивал Проныра. – Вот увидишь. Тебе надо поделиться.

– Он работал в супермаркете помощником продавца, – начал Штопор бесстрастным голосом. – Расставлял товар в нужных местах. И как-то на него обрушился целый стеллаж с той дрянью. Он вылез из-под него и попытался встать, но поскользнулся на батончиках и упал, ударившись черепушкой о металлическую ножку стеллажа. Виском. И тут же отдал концы.

– Хреново, – посочувствовал Проныра.

– Все заняло каких-то пять секунд, – продолжал Штопор. – Управляющий того магазина, редкий засранец, потом показывал нам с матерью видеоролик с камер слежения о скоропостижной смерти старика, не хотел нам платить, дескать, тот сам был виноват, не следил за оборудованием и не смотрел под ноги. Вот козлина! Мы и оказались на улице спустя два месяца, потому что с работой в округе было туго, а за квартиру платить надо. А потом и мать сбил вылетевший из-за угла грузовик. Она умерла не сразу, еще пару месяцев пролежала в коме в больнице, превратившись в человеческий овощ. Как оказалось, шофер был пьян и управлял автомобилем без водительского удостоверения. Он плакал на суде, говорил, что сожалеет. А мне-то – разве легче? Что с того? Я потерял последнего близкого человека. Да и не водила был виноват, если разобраться, а тот хмырь из магазина, где работал отец. Из-за него у нас и начались неприятности.

– М-да. Полная непраха. Ну а ты как же?

– Я тогда совсем отчаялся, а после наполнил несколько пакетов дерьмом из коллектора, измазал все витрины проклятого магазина и свалил из сраного городишки куда глаза глядят. Представляю, как бесился управляющий. Знаешь, Проныра, если бы я узнал, что он сдох, то вернулся бы, чтоб раскопать его могилу, залез туда и задушил его кости. Ей-богу, не вру... Вот и все.

Штопор замолчал. Взгляд у него стал суровый, как лопата могильщика.

– Твоего старика убил стеллаж, – с глубокомысленным видом изрек Проныра, выслушав историю друга.

– Нет. Его убили чертовы батончики, – задумчиво не согласился тот. – Я, кажись, сморозил глупость, рассказав тебе об отце.

Проныра промолчал.

Штопор тоже выдержал паузу для создания драматического эффекта. На его азиатском лице появилось сосредоточенное выражение, точно он погрузился в вычисления. Наконец он посмотрел на Проныру и заговорил голосом самого несчастного в мире человека:

– Думаешь, мне нравится, что моего папашу укололи гребаные вафельные шоколадки? Нет, черт побери, меня самого это достало. До смерти. Лучше б он был пиратом и его сожрали акулы. Все более достойный конец.

Проныра не ответил. Что тут скажешь?

– Штопор, говорят, ты мотал срок? – сменил тему беседы он, запихивая в рот очередной бутерброд с крольчатинной.

– А-а! – отмахнулся рукой юный бандит. – По глупости влетел. Не хотел потерять лицо в глазах товарищей и прослыть трусом. Обычное дело.

– Это как?

– Просто, как дважды-два. На спор обокрал торговый киоск. Взял-то всего-навсего пару блоков сигарет и упаковку баночного пива, а впаяли четырнадцать месяцев. За что такой срок, скажи?! Провести больше года в колонии, в запахе пота, хлорки и мочи, среди кучи чокнутых придурков и извращенцев, знаешь ли, не самое лучшее, о чем хочется вспоминать. Хорошо хоть не дошло до болевых ощущений в заднице. Многих там сразу заделывают, да так шустро и смачно, что хоть в ладоши хлопай от счастья, что не оказался на их месте.

– Не хотел бы я там побывать. Там что – одни гомики? А как же авторитеты?

– Там много охотников до чужих задниц, подстерегающих тебя в душевой. Кругом одни педики, не считающие себя педиками просто потому, что они к тебе пристраиваются сзади, а не ты к ним. Авторитеты тоже не брезгают попользоваться задницей более слабого сокамерника. Пожалуйся администрации – в камере стукачу сразу пустят кровь. А свиньи-надзиратели, если засекут подобное, лишь поржут. Знаешь, Проныра, когда выходишь на свободу, то она настолько пьянит и расслабляет, что, кажется, вот-вот в штаны наложишь от восторга.

– Ладно. – Проныра встал. – Я никому не расскажу о твоём отце. На эту тему ни гу-гу, обещаю. И, пожалуй, все-таки схожу к Дикому. Нужно сообщить о ребятах и буре.

– Ты упертый, как черепаха. Оно тебе надо? Ничего с ними не случится.

– С ними, может, и да. А вот если дождь усилится, то к нам могут сбежаться крысы со всей округи. Домов на холмах не так уж и много, а воду эти твари не очень любят.

Кот, услышав о крысах, задрал голову и стал внимательно наблюдать за мимикой людей.

– А чего Дорин с ними поплелась? – жуя, поинтересовался Штопор. – Эту дурочку кроме нарядов, помад и туфелек, что она видит в городе на витринах, ничего больше не интересует. Целыми днями шепчутся с Магдой об этом. Не пойму я их логику, хоть убей. Лучше б Дорин карманы научилась чистить, как ее подруга.

– Может, это отвлекает их от мрачных мыслей? – предположил Проныра.

– Нет от баб никакого толку! – заявил Штопор.

– Кроме одного... – подытожил Проныра, направляясь к выходу.

Парни рассмеялись.

* * *

Магда сидела в глубине комнаты, прижав к груди большого плюшевого зайца, у которого отсутствовал левый глаз-пуговица, а также была оторвана половина правого уха. Ей хотелось зарыдать, и она едва сдерживала себя, чтобы не дать воли слезам. Ее мучила тошнота, и вообще она плохо себя чувствовала. Что ж, такова судьба женщин, думала девушка, поглаживая рукой живот, заметно натягивающий кофту.

Ребенок все чаще и чаще начинал шевелиться, колотил и сучил ручонками и ножками. Живот, твердый и упругий, пронзали судороги нарождающейся жизни. Девушка знала, что в этом нет ничего патологического – так бьется пульс новой судьбы.

Магда была погружена в молчание. С моря сквозь щели в оконной раме проникала песня ветра – несущая не тепло, не радость, а скорее наоборот – страх. Смуглая грудь дышала неровно. Мысли, вязкие, как мед, слипались в один вопрос: «Когда?»

«Расторопный ты парень, Джо. Аж зависть берет. Столько народу крутилось... Но этого достаточно, Снежок, чтоб навсегда отправить ее в город. Одну. Наши законы ты знаешь... О чем вы думали?..» – вспомнила она обрывки фраз Дикого Джека, обращенные к будущему отцу малыша, когда всплыли их отношения с Джо Снежком и главарь узнал о ее беременности. Да, она не могла далее оставаться вместе со всеми. На Пустошах грудному ребенку не выжить. Однозначно. И детский плач... Проклятые крысы учуют слабого человечка, рано или поздно улучат момент и доберутся до него. Да и повышенная влажность будет очень вредна ребенку – болезней не миновать, а лечить здесь некому. Но почему Джо промолчал, не возразил, не вступился за нее? Ведь он всегда такой сильный и смелый. Он никогда не был трусом! И странное дело: упорно не соглашается уйти с ней. Почему?.. Чертов Джек! Пусть он отчасти прав, пусть разрешил ей остаться еще на какое-то время, пусть его побаиваются другие члены банды, но он не имеет права ломать чьи-то судьбы. Он не имеет права разлучать ее с любимым. Почему Джо так ему предан, что удерживает его? Какая тайна связывает их? Когда я буду должна покинуть Пустоши? Завтра? Послезавтра? Когда?..

На лице девушки время от времени скользила горькая улыбка. Ее терзала обида, съедали сомнения. Она не знала, что и думать, как поступить. Пыталась отогнать одолевавшие ее тяжелые мысли, отгородиться от них. Кто-то свыше надругался над ее любовью, унизил и осквернил ее тем, что пытался украсть. И испытываемое ею несчастье было особенно велико потому, что когда-то, совсем недавно, она была совершенно счастлива.

Магда обернулась и посмотрела на спящего Джо Снежка. Тот лежал на кушетке и тихо, безмятежно похрапывал. Акулий зуб на веревочке мерно вздымался и опускался на его мускулистой груди – амулет, доставшийся ему от отца, как утверждал сам Джо. Чернокожий парень лет шестнадцати, широкоплечий, рослый, с грубыми чертами лица и длинными, почти до плеч, вьющимися волосами, одетый в выцветшую зеленую футболку и рваные шорты до колен.

Три года назад Магда жила вместе с дедом на окраине Верхнего сектора Читтерлингса. Отца никогда в глаза не видела, а ту, кто ее родила, старалась не вспоминать – образ матери-проститутки, бросившей пятилетнюю дочь на попечение больного старика и вскоре погибшей от руки пьяного матроса, которого заразила гонореей, не тревожил ее. Она почти забыла о ней. Все, связанное с родителями, ушло далеко-далеко еще задолго до того, как Магда начала осмысленно понимать происходящее и делать выводы.

Дед был беден, и нужда засасывала их, как трясина. Иногда у них бывали деньги и они объедались. Однако чаще случалось так, что едва сводили концы с концами и голодали, питаясь постными лепешками из рисовой муки, которые запивали кипяченой водой, подкрашенной какими-то травами. Но они всегда держались вместе – и в дни веселья, и в дни печали.

В этом жестоком мире, оставшись без опоры, девочек зачастую проглатывали химкомбинаты, где работа быстро выжимала из них все соки. Или бордели, если они хороши собой и быстро учились зазывать проходящих мимо мужчин. Или, еще хуже, – продавали в рабство, даже при живых родителях, если те не в состоянии вовремя погасить долги. Подобная участь была уготована для многих бедняков – и детей, и взрослых. «У неимущих нет прав, нет будущего», – часто говорил Магде дед, вздыхая.

Потому Магда не стала ждать у судьбы подарков, не собиралась приносить себя в жертву нищете, не намеревалась терять свободу и отдаваться без любви первому встречному. Начала воровать – в конце концов, все лучше, чем каторжный труд или торговля телом! И вскоре поднаторела в этом деле. Она приносила в дом деньги, пусть и небольшие, и отдавала их деду, а тот молча брал их, хмурился, что-то ворчал себе под нос и прятал под матрас. Эти мятые купюры не радовали стариковское сердце. Он доставал губную гармонику и начинал играть какую-то

старую, грустную мелодию, проникавшую в душу точно так, как запах моря проникает в тела тех, кто живет у его соленых вод.

Магда часто вспоминала первую встречу с Джо Снежком.

...Тогда ей было тринадцать, но, как все мулатки, девочка-подросток выглядела старше своих лет. Острые груди, узкая талия и тугие бедра, двигавшиеся из стороны в сторону при ходьбе так, словно она пританцовывала, часто приковывали к себе внимание не только сверстников, но и взрослых мужчин. И эти взгляды оглаживали ее, приклеиваясь к ее выпуклым ягодицам, а чужие мысли, словно надувались ей в спину, нашептывая, как она хороша и желанна. Иногда девочка оборачивалась и показывала им язык, вызывая у мальчишек раздражение, а у мужчин – смущение. Многие мужчины грешат в мыслях, не осознавая этого. А женщины подсознательно, с самого рождения умеют отличать правду от лжи, всегда чувствуют направленное им вслед вожелание. Это их незримое приданное.

Магда возвращалась домой поздним вечером. Ее задержал ростовщик, после закрытия лавки скупавший краденые вещи, представлявшие хоть какую-то реальную ценность. Удивительно, но прижимистый владелец ломбарда, который при оценке подозрительного «товара» никогда не снимал маску подчеркнутого безразличия с лица, раскошелился, практически не торгуясь. Он даже почесал за ухом, похожим на пельмень, и в его вечно тоскливых глазах мелькнула искра неподдельного интереса. Магда продала ему серебряный перстень с рубином, ловко снятый с пальца у одной старухи, попросившей перевести ее через дорогу и помочь донести корзину с фруктами к дому.

Магда шла с высоко поднятой головой, ликуя. Свет фонарей освещал девочке путь. По улицам торопливо, точно подвальные крысы, пробегали одинокие прохожие. Ветер разметывал ей волосы. Вдали слышался рев бушующих гигантских валов. От моря исходил какой-то дивный запах, дотоле ей неведомый. Запах пробуждал в груди радость, выливавшуюся в песню, мелодию которой она тихонько насвистывала.

Опасность она почувствовала инстинктивно. Но было поздно. Магда замедлила шаг, успела повернуть голову, как тотчас чьи-то сильные руки схватили ее, зажали рот. Она и глазом не успела моргнуть, как оказалась за углом дома, в сумраке. Ее развернули и прижали к стене. Девочка больно ударилась затылком о кирпичную кладку, в глазах на секунду потемнело. А когда немного пришла в себя, намереваясь вырваться и убежать, то увидела перед собой мерзкое лицо, изуродованное шрамом. Щелкнуло лезвие ножа возле ее щеки. Кровь застыла в жилах Магды. Ей хотелось закричать, но от страха она онемела. К горлу подступил тяжелый комок, и отчаяние сковало ее.

Это был какой-то сумасшедший, который, похоже, не осознавал, что творит, находясь в диком возбуждении. Магда прежде никогда не сталкивалась с маньяками. Она даже не могла предполагать, что существуют такие нелюди, которых мучает неутоленное желание по ночам во время непогоды, лишает их сна, приводит в бешенство. Об изнасилованиях несовершеннолетних слышала – зачастую этим занимались сами подростки, беспризорные, у которых не было денег на услуги проститутки, – но в глазах этого мужчины она отчетливо увидела свою боль и близкую смерть.

Маньяк протянул руку с ножом к ее волосам, дотронулся до них и что-то пробормотал. Его налитые кровью глаза были полны безумия, для него существовало лишь одно: тело девочки, к которому он прижался. Свободная рука насильника скользнула по ее тугой груди, животу и оказалась между ног, пытаясь их раздвинуть. Магда стояла в растерянности, не зная, что делать. Страх сковал ее, спутал мысли. Ей казалось, что у нее в груди покоится целая глыба льда. То, что сейчас с ней происходило, вызывало омерзение. Ладонь девочки разжалась, порыв ветра подхватил деньги и унес неведомо куда.

– Прошу вас... не надо... – жалко выдавила Магда. Ее глаза наполнились слезами, и нижняя губа задрожала.

– Брось, не ломайся, шоколадка, – прошептал ей злодей в ухо, не переставая поглаживать ее. – Все одно я возьму то, что хочу. Повернись к стене, нагнись и уступи по-хорошему. Мой пыжовник¹⁹ тебе понравится.

– Я еще девочка, пожалуйста...

Насильник посмотрел ей в глаза и его рот скривился в гадкой усмешке.

– Это недолго исправить, сладенькая. Так даже лучше. Если ты хочешь, то можно оставить все, как прежде, но будет немного больнее.

– Нет! – Девушка попыталась вырваться, но рука маньяка нашла ее шею и начала сжимать.

– Не трепыхайся, дура... – злобно прошипел он.

У Магды снова померкло в глазах, она стала задыхаться и оседать. И тут чья-то рука хлопнула насильника по плечу, и прозвучал голос:

– Оставь ее в покое, дрочила!

Маньяк ослабил хватку. Лицо его тотчас изменилось, окаменело. Он отпустил девочку и, резко развернувшись, наотмашь полоснул ножом – острая сталь вспорола воздух.

Магда опустилась на брусчатку, опершись спиной о холодную стену, и дальнейшие события наблюдала как во сне.

Она увидела высокого мальчика, негра, примерно одного возраста с ней, но очень крепкого. Тот стоял и ухмылялся, словно издевался над маньяком, даже успел подмигнуть Магде, точно давней знакомой.

– Убирайся вон, грязный негр, если не хочешь, чтоб я расквасил тебе рожу, – процедил сквозь зубы маньяк. Злость скворчала в нем, как яйца на раскаленной сковородке.

– Катись сам, пока морда целая. – Он сплюнул вбок.

– Прикуси язык! Я тебе, сопляк, щас задницу порву на щупальца осьминога! Будешь знать, на кого хвост поднимаешь!

– Морячок?.. Хм... А у тебя харя не треснет по диагонали зигзагом?! – спокойно поинтересовался негр и, заметив похожий шрам на лице маньяка, добавил: – Однажды это уже с тобой случилось. Верно, дрочила?

– Нету в порту еще наглеца, который бы ушел от моего ножа, – процедил маньяк и его глаза в желтом свете луны блеснули яростью. – Ты попал, ниггер! Конкретно попал!

Подросток стойко принял вызов. Улыбнулся, вытянул вперед руку, сжатую в кулак, и показал оттопыренный средний палец, при этом ухмыляясь. Он имел вид человека, которому все нипочем, кто может жевать гвозди и выплевывать пули.

Маньяк рассвирепел. Он едва не дымился от злости.

Негр продолжал улыбаться, не сводя глаз с противника.

Между ними завязалась драка.

Насильник рычал, точно в него вселился легион бесов, он совершил несколько резких выпадов, пытаясь достать малолетнего наглеца ножом, но тот был ловок, проворен и неуловим. В его движениях не было никакой симметрии, скорее – какая-то боевая хореография.

¹⁹ Пыжовник – длинный скребок для чистки канала ствола орудий, применявшихся на старинных военных кораблях. В данное время подобные им аналоги пушек получили «вторую жизнь» на многих торговых галерах и парусниках для защиты от мародеров и пиратов, так как не всякую зенитную установку можно установить на деревянной палубе, не говоря уж о ракетном комплексе. Да и перемещаться по воде на судах с металлическим корпусом и двигателями с открытыми гребными винтами стало невозможно. Инопланетяне, чтобы обезопасить себя от вмешательства людей, блокировали морское сообщение и безжалостно уничтожают все то, что может нарушить их экосистему. Люди вынуждены больше передвигаться по воздуху, что стимулировало развитие гигантских цеппелинов для трансатлантических перелетов. Природные энергоресурсы на суше малы и быстро иссякают. Лишь немногие государства могут позволить себе самолеты с реактивными двигателями из-за высокой стоимости топлива. Лидирующую позицию занимают Россия и Китай. Здесь же слово «пыжовник» применяется в совершенно ином значении.

Очередная атака – и мальчик опустился вниз, повернулся юлой на одной ноге и сделал подсечку нападавшему. Нелюдь растянулся на камнях, приподнялся, тряхнул головой, отполз на четвереньках чуть в сторону и попытался встать, произнеся: «Дешевый трюк, черномазый...» Но негр снова его опередил – подпрыгнул, выполнил сложную акробатическую стойку на одной руке и врезал пяткой под ухо противнику. Тот так и шлепнулся оземь во весь свой рост. Нож выпал из ослабевшей руки. Тело мерзавца пару раз судорожно дернулось. Удар оказался такой силы, будто к ноге мальчика была привязана невидимая гиря. Больше злодей не пошевелился.

Негр ногой отшвырнул выпавший из руки маньяка нож в сточную канаву, повернулся и, подойдя к девочке, уверенно протянул руку.

– Меня Джо зовут, Джо Снежок, – представился он, сверкнув зубами, и предложил: – Тебя провести домой, красотка? Далеко живешь?

Магда не подала ему руку, ее до сих пор трясло. Встала сама и, заметив скользнувший по ее оголенным ногам взгляд, поспешно оправила платье.

– А тебе какое дело? – немного осмелела она. И тут же испытала замешательство и смутилась.

– Могла бы и спасибо сказать, – усмехнулся Джо, не отрывая взгляд от ладной фигуры мулатки, пытаясь заглянуть ей в глаза.

– Он... живой? – Магда опасливо покосилась на мерзавца, растянувшегося на земле.

– Забудь, – ответил Джо, – если и выживет, то охотиться на девочек больше не сможет. Ему понадобится сиделка до конца его дней.

– Ты здорово дерешься. Где так научился? – удивление ее было безмерно.

– Капоэйре²⁰ меня обучил отец. Там, где мы жили раньше, он был лучшим на побережье.

– Ты случайно не беженец? Здесь хватает аборигенов, но...

– ...мало негров? – продолжил за нее спаситель и усмехнулся.

– Ага. Потому и думаю, что ты – беженец. Из Африки?

– Нет, из Южной Америки. Кстати, в этом городе почти все его жители бывшие беженцы, как я слышал. Ведь когда-то они и основали его.

– Верно. А почему ты выбрал Австралию?

– Долго объяснять, но жить там, где мы жили с отцом, намного сложнее, чем здесь. Бразилия – это сплошные соляные болота и люди там до тридцати не все доживают.²¹ Да и не мой это был выбор.

– А твой отец...

– Его уже нет в живых. Нас, сотни две нелегалов, везли в трюме контрабандисты. Отец подхватил какую-то заразу, лихорадку, кажись, и до Австралии не дотянул... Многие тогда умерли.

Магда все еще не верила своим глазам, бросая взгляд то на поверженного злодея, то на того, кто отстоял ее жизнь и честь. Шум ветра превратился в шелест, и радость спасения музыкой звучала у нее в голове. Голос мальчика был мягок и доброжелателен, зачаровывал, как песня, от него веяло непоколебимой уверенностью и девушке это понравилось. Джо Снежок вызывал у нее неподдельный интерес. Это был не один из тех соседских мальчишек со щеня-

²⁰ Капоэйра – бразильское национальное боевое искусство, сочетающее в себе элементы танца, акробатики, игры, и сопровождающееся национальной бразильской музыкой. Как боевое искусство отличается использованием низких положений, ударов ногами, подсечек и в некоторых направлениях, обилием акробатики.

²¹ После Нашествия многое изменилось на Земле. Приспосабливая под себя среду обитания, пришельцы расширили границы своих владений и, имея возможность воздействовать на гравитацию планеты, из многих участков суши создали отмели. В результате чудовищных тектонических сдвигов Западное и Восточное побережье США ушли под воду. А в Желтом, Восточно-Китайском и Японском морях поднялось дно, что привело к многочисленной гибели людей. Извержения вулканов превратили Гавайские острова в застывшую лаву и горы вулканического пепла. Латинская Америка и восточная часть Бразилии также были затоплены и стали соляными болотами.

чьими шеями, что заигрывали с ней, а настоящий герой, которого любая девушка грезит встретить, воспоминания о котором она и в глубокой старости будет перебирать, словно бусинки на четках, ожидая в молитве пришествие сна или смерти.

– Магда... Спасибо... – представилась и поблагодарила девочка. Страх начинал малопомалу исчезать из ее души.

– Да ладно, – Джо расплылся в улыбке. – Сочтемся как-нибудь.

Девочка сама протянула ему руку. А спустя некоторое время нашла для Джо Снежка и место в своем сердце.

Так состоялось их знакомство. Снежок проводил Магду домой. Сердце мальчика часто-часто билось, когда он смотрел на нее, и он не мог найти этому объяснений. А девочка улыбалась и прятала глаза, держась за его руку. В ту ночь не было даже луны, но в начинающемся разгаре бури расцвела самая что ни на есть романтическая любовь. Звезды зажглись в их зрачках, и молнии остановились на небе. Ни он, ни она не понимали тогда происходящего, но чувствовали: то, что творится с ними, – прекрасно. Потом они долго не могли уснуть, думали друг о друге, разговаривали, словно находились рядом и их не разделяли Пустоши: она – лежа на кровати в своей комнате, он – растянувшись на циновке в доме на холме, шлепая себя по лицу, чтобы отогнать жужжащих moskitov. И говорили обо всем на свете – о родителях, о пережитых приключениях, о радостях и невзгодах – пока их не сморил сон.

А далее последовали другие события: неожиданная смерть деда, попытка властей упрятать девочку в сиротский приют, ее бегство, поиски Джо и радостная встреча с ним, а затем и ее полноправное членство в шайке Дикого Джека...

Магда смотрела на спящего Джо и лелеяла одну-единственную мысль, что они не разлучатся, они останутся вместе навсегда. И еще она хотела, чтоб скорее появился на свет тот, кто будет махать ручонками и называть ее мамой.

Девушка вздрогнула, услышав чьи-то тяжелые шаги, доносившиеся из коридора, вскочила, взяла лампу и подошла к двери.

* * *

Проныра враскачку, особой своей походкой, шел по коридору, когда приоткрылась дверь и показалась Магда. Его солдатские ботинки гремели так, будто маршировал целый полк. Он остановился, вперился взглядом в ее крепкие, налитые груди, еще не измятые мужской лаской и губами будущего ребенка, готовые вот-вот выпрыгнуть из-под кофты. Спелые шоколадные полушария. Они манили. Глаза у парня засияли, точно у гуляки-кота. Хотел, как обычно, громко пошутить, но девушка приложила палец к губам, требуя тишины.

– Проныра, а ты можешь ногами так громко не топать? – прошипела она. – Джо разбудишь. Случилось что? Куда так спешишь?

Парень замер, не сводя глаз с груди Магды, с лицом ошарашенного стеклянными бусами туземца. И тут же получил щелчок по носу.

– Куда вылупился, дурья башка?! Посмотрел – и будет.

Да, эта цыкнет, так и своих не узнаешь, очнулся Проныра и почувствовал, что его щеки вспыхнули, как от горячего ветра. «Та еще штучка».

– Буря будет. – Голос парня прозвучал невнятно, как если бы он говорил с полным ртом. – Надо Дикого Джека предупредить. Наши еще не вернулись.

– Тише! Кто?

– Шустрик, Косой, Прыщавый и Дорин, – перешел он на шепот, любуясь ее ртом и размышляя, откуда берется красота и почему от нее так запросто слетаешь с катушек.

– Ты что – выпил? – поморщилась Роза, почувствовав от Проныры запах алкоголя.

– Слушай, не лезь мне в печенку, – скривился тот. – Выпил совсем чуть-чуть.

– А Дорин чего с ними увязалась?

Он пожал плечами:

– А я почему знаю. Буди Снежка.

– Зачем?

– У него с Румбом более дружеские отношения.

– Обойдешься.

Магда увидела в руке Проныры бутерброд и сглотнула слюну. В последнее время она постоянно испытывала голод.

– Для него?

– Угу. Пес любит лакомства.

– Вот и топай. Сам.

Из этих слов Проныра понял, что разговор окончен.

Магда шмыгнула обратно в комнату и прикрыла дверь.

Она вернулась к Снежку – во сне невинному и чистому, как ребенок, которого она носила под сердцем. На самом же деле, Джо был одновременно и герой, и отпетый бандит, из породы тех людей, которые думают, что способны сокрушить мир и плюнуть ему в лицо. Но жизнь таких, как он, учила, брала в оборот. И Магда переживала, чтоб их будущий малыш не стал таким же сорвиголовой, не продублировал ошибки отца. «Почему люди, в которых в душе заложено добро, противоречат себе и совершают зло? Какой во всем этом смысл?» – вопрошала она. И ее материнское существо – силою воображаемой судьбы, полное врожденной драматической тайны – испытывало трепет в груди и бесконечные эмоции: сложносочиненные падения и взлеты, разноплановые страх и счастье...

* * *

Вглядываясь в темноту коридора, Проныра приблизился к лестнице западного крыла и начал спускаться на первый этаж. Он решил наведаться к Башке, прежде чем будить Дикого Джека. Уж на кого-кого, а на Башку, своего любимчика, главарь никогда не сердился, уважал, хоть тот и был – по мнению Проныры – бесхребетным книжным червем.

На лестнице воняло плесенью, гнилью и сыростью, и еще стоял едкий запах какой-то живности (крыс, сколопендр, ящериц или чего-то еще), гнездившейся в стенах. И было слышно, как при приближении человека, по другую сторону штукатурки разбегались от него какие-то твари.

Да и сам дом постоянно издавал звуки. Он оседал, как это делал лет пятьдесят, а может, и сто – никто точно не помнил. Устраивался поудобнее в земле со своими костями из кирпича, дерева и металла.

Здание бывшей гостиницы «Уинстон Черчилль» стало штаб-квартирой для беспризорников не случайно. Оно располагалось на самом высоком холме и, в отличие от многих соседних зданий, погруженных наполовину в воздушно-водяную взвесь, было относительно сухим. А переплетения бесчисленных коридоров и лестниц давали хорошую возможность уйти от полицейской облавы. Всех секретов этого дома никто из новых постояльцев до сих пор так и не выведал. Месторасположение комнат из-за заколоченных и заставленных всяким хламом дверей было трудно выяснить, да и подвалы кишели воинствующими крысами и были загромождены – поломанной мебелью, кипами старых газет и журналов, коврами, чем угодно – настоящая свалка, называй любые вещи, не промахнешься.

Заброшенный отель угрюмо нависал над туманом Пустошей и скопищем полуразрушенных строений – как каменный страж иной, почти забытой цивилизации. Будущее принадлежало Верхнему сектору Читтерлингса, здесь же бесславно доживало свой век прошлое. Да и время в этом месте, казалось, текло по иному расписанию, будто впало в меланхолию.

Проныра прошел в вестибюль, миновал стойку администратора, повернул за угол и, оказавшись в длинном коридоре с вереницей дверей по бокам, направился по нему, пока не вышел к развилке двух точно таких же коридоров. Свернул направо, поднялся по лестнице и вскоре уперся в тупик. Остановился у филанчатой дверки – за ней обитал Башка, в маленькой, похожей на коробку комнатухе.

* * *

– Башка, просыпайся!

Клим по прозвищу «Башка» приоткрыл один глаз и увидел перед собой ухмыляющуюся физиономию Проныры.

– Чего тебе? – пробурчал Клим. В его голосе едва угадывался русский акцент. Он попытался поднять голову, но обнаружил, что щека прилипла к странице книги.

– Дело есть. Просыпайся!

– Зачем?

– Считай, что это приказ!

– Да пошел ты...

– Попридержи язык, Башка, а то схлопочешь, – пригрозил Проныра.

Клим осторожно отклеил страницу от лица, протер глаза и окинул взглядом комнату, будто что-то искал в сумраке. Нахмурился. Заметил, что забыл погасить свечу. Огонек на фитиле огарка едва тлел. Он долго просидел над «Руководством по воздушной навигации». Дикий Джек будет ругаться – свечи нынче сильно подорожали, а керосиновой лампой в маленькой комнате, под завязку набитой книгами, было пользоваться крайне опасно.

Проныра потянул носом воздух и сочно чихнул.

– Блин, ну и пыль тут у тебя... – недовольно пробурчал он. – Дышать нельзя.

– А ты чихай, чихай на здоровье, – сказал Клим. И, улыбнувшись, добавил: – У меня тут демократия.

– Остряк. Могу и воздух испортить, раз такой добрый.

– Не нужно доходить до тоталитаризма.

– Чего?..

– Ничего.

Проныра взял со стола чертеж, развернул и внимательно рассмотрел. Несколько эскизов – общий вид и проекции какой-то конструкции, которые ему мало о чем говорили. Сощурил и без того узкие глаза, словно пытался распробовать какое-то незнакомое блюдо. Несколько секунд он пребывал в раздумье.

Клим с интересом наблюдал за ним.

– Что это? – спросил Проныра.

– Моя новая идея, – ответил Клим, водрузив на нос очки и принявшись перераспределять лежащие на столе книги: «Такелажные работы», «Аэронавтика», «Морская навигация», «Справочник по технологии изготовления полимеров» и другие. – Точнее, это еще Циолковский придумал. Идея его. Но я решил ее немного доработать.

Проныра непонимающе моргнул.

– Какой-то странный дирижабль... Зачем тебе это? И кому это нужно?

– Нам. Когда-нибудь я построю такой. Это не совсем обычный дирижабль, гораздо лучше. И мы все на нем будем путешествовать, не боясь никого. Но пока я не могу найти подходящий материал, из чего можно будет создать такой аппарат. Да и с двигателями проблема. Много вопросов, много сложных задач...

Юный вундеркинд вздохнул.

– Мечтатель... Словно на Луне живешь. И откуда в тебе это, Башка?

– Нередко люди бывают и умнее меня. Да и-и... разве плохо – мечтать?

– Не знаю. – Проныра пожал плечами. – Когда я начинаю много думать, то у меня болит голова.

– Ты не привык к этому.

– Чего? – тут же обиделся Проныра. – Ты, Башка, выражения выбирай. Я человек простой, без загибов, но...

– Не обижайся. Ведь ты сам часто любишься звездным куполом и болтаешь о мистике. Ты о чем-нибудь мечтаешь?

– Ага, небо... оно красивое. – Круглое, как блин, лицо Проныры расплылось в улыбке. – Мечтаю нагрести под бока целый ворох денег, стать богатым-пребогатым и ничего не делать. А последние часы жизни хотел бы провести в таверне, попивая текилу и целуя самых красивых девушек. И все это под звуки гитары и их смех. Как тебе такая мечта?

– Богатство и страх потерять из-за него жизнь – два испытанных друга, они всегда рядом. Приоткроешь эту правду, узнаешь ее – обретешь свободу.

– Мудрено ты говоришь.

– Так говорил мой отец. Я помню многие его фразы.

– Лучше быть бедным? – смутился Проныра и почесал нос. – Чего-то я тебя не пойму, если честно. Я хочу жить комфортно. Со мною жизнь и так редко бывает застенчивой милашкой, зачастую – дрянной девчонкой, которая норовит сесть мне на лицо.

– Счастье не в количестве денег, Проныра, а то, как они тебе достаются. И на что ты их тратишь. Да и комфорт – это одна из форм паралича. От него тупеешь.

– А вот сейчас ты говоришь, точно городской падре, – хохотнул тот. – Не для меня их небесный стриптиз. У этих святош нет чувства юмора перед жизнью. Скажи, вот священник может накормить чайку, сунув ей в пасть хлеб с зажженной петардой?

– Нет, – ответил Клим и недобро покосился на Проныру. – Зачем ему это делать? Убивать – грех. Подлость – тоже грех. Религия, верно, зачастую нужна лишь при удобном случае, но верить-то во что-то надо. Да и с падре я никогда не общался. Я православный.

– Слава Богу, что православный. Я слышал, что среди этих падре очень много гомиков и еще они частенько пристают к детям...

– В газетах много всякой мерзости пишут, а люди – верят, – отверг Клим и хмыкнул.

– Говоришь, «убивать – грех»? – продолжал Проныра. – Однако и ты не брезгуешь мясом амфибий, а мы их убиваем разными способами. Вкусно, не правда ли? Хочешь, расскажу – как? А они ведь думают не меньше нашего – мозгами, а не ослиными жопами. Аминь, Башка.

Клим не ответил. Словно в рот воды набрал.

– Слушай, Башка, а это, правда, что ты из богатой семьи? Что тебя учили дома едва ли не профессора? Не врут пацаны?

– А что об этом вспоминать? – немного смутился Клим. – Почему «едва ли»? Учили профессора, да. Был и академик. Учился, но вот не доучился. Деньги моих родителей присвоил его бывший компаньон, который, как я думаю, и виноват в их смерти. Что я могу поделаться? Взять и объявиться? Даже если я буду каждый день целовать в задницу того мерзавца, то он ни за что не отдаст принадлежащие мне миллиарды. Отправлюсь вслед за отцом и мамой. Официально я мертв больше пяти лет. Если он узнает, что я жив, то тогда умру уже по-настоящему. Без вариантов.

Проныра услышал слово «миллиарды» и тихонько присвистнул, не поверив до конца сказанному и придя в некое арифметическое отчаяние. Сумма гигантская, астрономия, совершенно недостижимая для беспризорника. Он всегда думал, что крутой папаша понадобился Башке как фактор для поднятия авторитета. И не мог до сих пор представить, откуда у этого четырехглазого чудика могли взяться такие деньжищи, а в голове находится столько места, куда помещается куча мудреных слов и знаний.

- А чем занимался твой отец? – спросил он. – На чем можно такие бабки сколотить?
- Алмазы, – коротко бросил Клим.

Проныра снова присвистнул и почесал нос.

– Не переживай, Башка, мы выьем все дерьмо из того умника, когда подрастем. – Деньги всегда воодушевляли Проныру, бойцовский блеск в его глазах говорил: «Только дайте мне этого засранца!»

- Из кого?

– Того, что деньги твои прикарманил. Поверь мне, так и будет. Я ему с радостью дам по хлебалу.

– Хорошо бы, я двумя руками «за», – мечтательно произнес Клим. – Хотя это больше похоже на уличную лотерею. Ты не знаешь того жадного подонка. Я узнавал о нем по газетам, попадающим в Читтерлингс из Европы, и передачам Эй-Би-Си²². Мне кажется, что своих врагов он готов на кусочки разрезать, упаковывать в пластик, как рождественские подарки, и отправлять по почте, избавляясь даже от хлопот с похоронами. Честно говоря, я боюсь. Шут с ними, с деньгами.

- Не бойся! Попробовать стоит, кореш. Не ради самих денег, а ради твоей мечты.

- Дирижабль?

- Угу.

– Знаешь, Проныра, количество горя и счастья вкладывается в нас при рождении, и деньги на это мало влияют. Хотя, если у меня их будет достаточно, то я построю не простой дирижабль, а огромный цельнометаллический цеппелин, каких еще никто не видел.

– Правильно, кореш, – согласился тот. – Продолжай в том же духе. Но, как по мне, так лучше и быстрее истребителя ничего нет. Сделаешь ты свой дирижабль. А за одно и за стариков отомстишь. Такое спускать нельзя.

Клим вздохнул. В его мозгу часто проносились картины – скороспелые воспоминания, тут же испарявшиеся. Какие-то обрывки мыслей все кружились, кружились, покоя не давали, и толку никакого. Он слишком устал, чтобы выстроить логику, тонувшую в пелене детской памяти, словно радиосвязь в разряде статического электричества.

Фамильное достояние... Климу живо вспомнились широко открытые от изумления глаза поверенных в финансовые дела семьи. Годовые поступления были так велики, что отец как-то обронил, что мог бы легко оплатить частную космическую экспедицию на Марс или куда подальше.

Клим не собирался ворошить старые истории с неразрешенными конфликтами и страхами, пытаться что-то понять. Старая нудная песня. Это было равносильно изучению линий на ладони, когда в этом ни черта не смыслишь. Но у него просто начинала уходить земля из-под ног, когда вспоминал то, что произошло тогда, пять лет назад. В сознание парня вновь протискивался призрак минувшего, похожий на бледный, плохо сделанный снимок...

...В тот день чета Захаровых поздно возвращалась домой из гостей. Клим удобно расположился на заднем сиденье лимузина – возле матери, прижавшись лбом к боковому стеклу. Отец дремал напротив. Двигатель авто урчал равномерно и тихо, как патологический зануда, и Клима тоже клонило в сон. Он не обращал внимания ни на дорогу, ни на окрестности, ни на водителя с телохранителем, чьи крепкие затылки виднелись за тонированным стеклом перегородки. Только выехав на трассу, ведущую к их загородному особняку, мальчик заметил, что облака, закрывавшие небо с утра, почти исчезли, а краски заходящего солнца, лежащие на склонах холмов, таяли столь быстро, что голые деревья в свете фар становились черными, а снег – пресно-белым. Пустынный однополосный асфальт уходил вперед, в темноту. Почти у

²² Эй-Би-Си – радиовещательная компания в Австралии.

самого горизонта появилась необыкновенно большая луна – красная, как созревший помидор, купающийся в лучах собственного сока.

Когда машина приблизилась к нужному повороту и сбавила скорость, внимание Клима привлек ворон на дорожном указателе; вокруг кружился снежный вихрь, растворяясь в темноте. К его удивлению, ворон не улетел при приближении автомобиля и не подал никаких признаков беспокойства, хотя эти птицы обычно очень осторожны. Он сидел неподвижно, словно выжидал чего-то, а его глаз – в этом мальчик был уверен – пристально наблюдал за приближающимся лимузином. А когда роскошный «майбах» поравнялся с ним, ворон издал хриплый крик, взмахнул крыльями, но остался на месте. Это было похоже на сон, на кадр из дурацкого фильма, который должен был обязательно закончиться чем-то паршивым. Одиноким ворон на дороге – эмблема надвигающегося ужаса, берущего в тиски подсознание.

В тот момент мальчика посетил глупый вопрос: «А спят ли вороны вообще?» – и он устало вздохнул, прикрыв глаза. Когда-то, лет в шесть, он верил в то, что вороны охотятся только на маленьких птичек и едят их – об этом ему рассказал Антон, сын садовника, встретившийся как-то у пруда, где отец Клима – большой любитель порыбачить в одиночестве – разводил зеркальных карпов. И когда Клим представлял страшную картину – кишки маленькой птички, свисающие из клюва ворона, на котором почему-то был всегда надет окровавленный фартук – ему становилось не по себе. Именно такое чувство испытал Клим, увидев ворона на указателе. Кого ждала ужасная черная птица? С кого она собралась вытянуть начинку?

Водитель повернул на нужную дорогу, и вскоре машина медленно поползла по длинному узкому мосту. Асфальт обледенел. До дома оставалось каких-нибудь десять-двенадцать минут, когда сзади резанул дальний свет и вслед за лимузином рванул грузовик, до того стоявший на обочине. Тишину разорвал рев мощного двигателя. И воздух вокруг, до того момента бывший просто пустотой, наполнился какой-то особой энергией.

Водитель лимузина нажал на клаксон и ударил по газу; двигатель заревел, колеса вырвали облако снежной пыли и ледяного крошева, забуксовали. Клим обернулся и увидел мелькнувшую тень ворона.

«Должно быть, птица зависла где-то над нами и наблюдает, – решил мальчик, задрав голову. – Застыла на распростертых крыльях и ждет...»

Клим вновь посмотрел назад, и свет ослепил ему глаза, но сквозь него все же можно было разглядеть очертания чего-то исполинского. Оно нагоняло «майбах», точно огромная взбесившаяся торпеда. Расстояние между машинами быстро сокращалось. Свет фар грузовика заливал салон лимузина, как рентгеновские лучи.

Головы охранника и водителя закрутились по сторонам, словно их хором посетила одна мысль: «Что происходит?» Отец что-то им кричал и, достав из кармана мобильник, пытался куда-то дозвониться. Мать схватила Клима и прижала к себе, ее руки судорожно нащупывали ремень безопасности и, наконец, щелкнул замок карабина – и в этот момент грузовик догнал лимузин, по касательной ударил ему в бок, смяв обшивку кузова и едва не вырвав одну из дверей. Изувеченная машина ушла вправо, наскочила на бордюр, взлетела и, пробив ограждение, соскочила с моста вниз.

Климу показалось, что автомобиль парил в полной тишине целую вечность и что его полет не закончится никогда. «Майбах» замер, словно подвешенный в воздухе на невидимых ниточках. Сердце мальчика сжалось. Потом давящую тишину будто прорвало – отчаянный вопль двигателя, какой-то скрежет и удар, сравнимый с разрывом снаряда. Откуда-то донесся рев грузовика – точно зверь отрывал сытную пищу. И снова – гнетущий покой звуков, который разорвала трель звонка сотового телефона, выпавшего из безжизненной руки отца...

Клим стряхнул с себя страшные воспоминания – «Все это мертво, все позади, все в прошлом! Ничего не вернуть! Исчезло – и дело с концом!» – мысленно перекрестился и спросил у Проныры:

– Ты зачем пришел?

– Мне нужно разбудить Джека... Что с тобой? Твое лицо...

– Нужно чаще бывать среди живых, – ответил Клим. Но Проныра его не понял.

Клим вздохнул и окинул взглядом свою комнату – крошечную, без окон, что-то вроде просторной кладовки, заваленную книгами, всем тем, что уцелело от бумажного сора времени. Воздух здесь был душный и неподвижный, но именно эта близость стен и знаний вселяла в парня бодрящее чувство безопасности и уединения. Он не любил покидать свое убежище, так как все, что было извне, только здесь казалось ему далеким и безобидным.

Мама... Она часто говорила с Климом едва слышным шепотом, когда гладила его по голове, и беспредельная невыразимая радость была в ее улыбке. И когда его отрезало от всего, что было ему дорого, Клим будто лишился ключа к окружающему миру.

«Больше я ее не увижу. Никогда...»

Да, он помнил, слишком хорошо помнил все, чтобы перечеркнуть крест-накрест.

Глава четвертая

Буря

Сон Джека прервал рык собаки и последовавший за ним короткий, осторожный стук в дверь. Он приоткрыл глаза, посмотрел в окно, на фоне которого круглой тенью виднелся глобус и спартанский строй пивных бутылок на столе. На улице все еще царил темнота. Ветер снаружи выл, кашлял и визжал, но в комнате было относительно тепло и безопасно. Изюминка сна – обнаженная Цирцея – улетучилась.

Джек перевел взгляд на пса – тот занял оборону у входа и наострил уши.

Под дверью виднелась полоска света от фонарика.

Стук повторился.

Снова раздалось низкое, горловое рычание ротвейлера.

– Румб, ко мне, – поморщившись, тихо произнес Джек, а для тех, кто находился за дверью, добавил громче: – Кому там приспичило?

Румб глухо рыкнул и подошел к Джеку, продолжая коситься то на дверь, то на хозяина.

– Джек, это я, – послышался голос Клим, робко дрогнувший. – Со мной Проныра. Придержи Румба.

– Чего вам надо?

– Есть одна тема. По пустяку мы бы тебя не тревожили, – тут же отозвался Проныра и на всякий случай глупо поинтересовался: – Ты ничем не занят?

– Нет. – Джек разминал пальцами затекшую шею. – Просто стою на голове и гоняю шкурку, ожидая твоего «тук-тук-тук». Слов нет – одни буквы, как я тебе рад, Проныра.

За дверью раздался смешок Клим.

– Заходите. – Джек протер глаза, набрал полные легкие воздуха и, громко выдохнув, поднялся с дивана. – Румб, сидеть!

Пес послушно выполнил команду.

Разбудить дело не хитрое, решил Джек, но если они сделали это без веской причины, пустив мой чудесный сон коту под хвост, и решили мне поморочить голову пустяком, то получат по-полной. Он подошел к столу, вытряхнул из помятой пачки сигарету, прикурил от спички и зажег лампу.

В комнату вошли Проныра и Клим, тут же отыскав взглядом собаку. Румб не сводил с них глаз, порывая. И они замерли, как два вымуштрованных телефонных столба.

– Извини, Джек, что потревожили, – начал Клим, его очки в стальной оправе сверкнули в свете лампы. И толкнул приятеля локтем в бок. – Проныра кое-что хочет тебе сказать.

Джек выдержал паузу, выпустил изо рта струю табачного дыма.

– Ничего, – недовольно буркнул он. – Считайте, что я не с той ноги встал и вы тому виной. Говори, Проныра, раз уж невтерпех подождать до утра.

Тот вышел вперед и все быстро растолковал, спеша объяснить суть их визита, пока дело не приняло дурной оборот. Джек был явно не в настроении, но слушал его, не перебивая.

– Понятно, понятно, – повторял Джек и кивал, приняв вид человека, у которого хватает шариков в голове для того, чтобы держать дальнейший ход своих мыслей про себя. Когда Проныра закончил словами «вот такой у нас расклад», Джек подошел к окну и с минуту внимательно разглядывал то, что там происходило.

Буря взрезала горло небу, и, озаряя его, с грохотом скрещивались мечи молний.

Главарь шайки докурив сигарету до крохотного остатка, растер пальцами светящийся пепел и бросил окурочок в кофейную банку, на которой был нарисован бородатый турок.

Джек отошел от окна и в нескольких, довольно грубых словах обрисовал создавшееся положение и выход из него.

– И что будем делать? – с непонятным чувством облегчения произнес Проныра.

– Трудно сказать, – ответил Джек и заметил, что ему захотелось облизать губы. Новость тревожила его. – Будем искать наших товарищей.

– А буря? – вставил вопрос Клим.

– А что – буря... – Взгляд Джека естественным образом пропутешествовал к окну: анализировать погоду было не нужно, там намечался целый ураган. – В первый раз, что ли... Пройдемся, кровь разгоним, а заодно, может, и амфибию завалим. Румбу мясо и кости организуем, а то ему уже жрать нечего. Давненько уже сафари на пришельцев не устраивали. Нужно разыскать Тихоню, он в тумане ориентируется лучше любой собаки...

* * *

Тихоню – тощего недомерка с крысиным лицом – обнаружили в туалете номера «люкс», носившего следы былой роскошной отделки, но загаженного до предела. Там воняло прокисшей мочой и каким-то не менее противным, прогорклым запахом, сочившимся отовсюду почти видимыми миазмами. Парень сидел возле писсуара, подпирая спиной грязную, вздутую кафельную стену, готовую вот-вот на него обвалиться. Рот раззявлен, на подбородке застыла слюна. Кожа нездорового белого цвета, губы синюшные, под глазами – глубокие тени.

С первого взгляда становилось ясно, что мысли в его голове застопорились, как арматура, закрепленная намертво цементом, и лишь подсознание обдирало кожу о занозы наркотических видений. Глаза Тихони, ненормально большие, как блюдца, были холодными и опустошенными, начисто лишены какого-либо налета реального восприятия окружающего мира. Стекланные глаза куклы.

– В полной отключке, – сделал вывод Клим, с неприязнью покосившись на Тихоню. – Интересно, чем на этот раз он так себя забальзамировал? Похож на того, кто вот-вот воскреснет из мертвых. А начиналось все с невинного пива и клея, как он утверждал. Что будем делать? Дикий ему голову открутит за это. Да и нам перепадет...

Проныра шмыгнул носом, втянув сопли.

Глаза Тихони вперились в какую-то точку далеко позади них и абсолютно не реагировали на свет фонаря, плясавшего в руке Клим. Глубокая прострация.

– Передоз? Слушай, может, он умер? – поинтересовался Проныра.

Клим пожал плечами. Затем нагнулся, похлопал Тихоню по щеке – реакции никакой, после чего взял за руку, подержал. Ощутил слабый пульс. Заглянул в зрачки Тихони, расширенные, словно их показывали через телескоп.

– Нет, – выпрямившись, пробормотал он. – Не умер. Хотя реально похож на просроченного эмбриона, вынутого из банки со спиртом. Сам себе могилу копает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.